

А Л Ь Б Е Р Т О Л М С Т Е Д

И С Т О Р И Я
П Е Р С И Д С К О Й
И М П Е Р И И

Альберт Олмстед

История Персидской империи

«Центрполиграф»

Олмстед А. Т.

История Персидской империи / А. Т. Олмстед —
«Центрполиграф»,

Профессор истории Института Востока Чикагского университета Альберт Олмстед, посвятив свою жизнь изучению древнего Ближнего Востока, собрал ранее неизвестный материал о жизни, временах и мышлении персов в цельное повествование. Именно Персия на протяжении двух веков — от распространения царем Киром Великим власти на Грецию и до сожжения Персиполя, столицы царства, Александром Великим — занимала завидное положение диктатора истории. В своей книге автор показывает, как наука, литература, язык и мифы древних выросли из смешения многих культур и способствовали формированию будущей цивилизации.

© Олмстед А. Т.
© Центрполиграф

Содержание

Введение	5
Глава 1	12
Глава 2	22
Иран в доисторические времена	22
Древние религии	23
Влияние географических особенностей	25
Завоевание ордами народов с севера	26
Мидийцы и персы в далекой древности	28
Религия иранцев	29
Мидийская империя	32
Глава 3	35
Союз с Вавилоном	35
Победа над мидийцами	37
Начало упадка Вавилонии	38
Завоевание персами Лидии	39
Покорение греков и ликийцев	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Альберт Т. Олмстед

История Персидской империи

Введение

Прошло много лет с тех пор, когда Джордж Ролинсон, профессор древней истории Оксфордского университета из Кэмдена, опубликовал первое издание своей книги «Пять великих монархий Древнего Востока». За это время история древних времен была полностью переделана. Один крупный современный историк публично заявил, что самой значительной особенностью историографии последних сорока лет является всестороннее освещение истории Древнего Ближнего Востока. Другие древние монархии Ролинсона уже давно были безнадежно забыты. Это тем более странно, что его Пятая монархия по-прежнему остается полной историей империи Ахеменидов и ее место не было занято более поздними, но менее подробными описаниями. Такое необычное явление показалось бы необъяснимым, если бы более зрелые размышления не выявили причины, которые могут объяснить, если не оправдать, такое пренебрежение.

Самым очевидным является тот факт, что Ролинсон обладал поистине всеми источниками, которые в настоящее время доступны для изложения и для культуры вообще. Он уже проявил себя как мастер классических исследований, сделав великолепный перевод Геродота с множеством ценных примечаний. Для нас тоже Геродот остается главным источником истории на греческом языке. Ролинсон был прекрасно знаком с другими источниками, написанными на греческом и латыни; к его списку мало что было добавлено, даже из «отрывков» более древних авторов, цитируемых более поздними писателями. Его брат, сэр Генри Ролинсон, расшифровал надпись на скале Бехистун; в наши дни автобиография Дария по-прежнему представляет собой одно длинное литературное произведение, написанное на древнеперсидском языке. Авеста, Библия персов, известна уже почти век; была полезна и наша Библия.

К тому же впечатляющие руины на возвышенности Персеполя часто посещались и были исчерпывающе описаны известными и весьма компетентными путешественниками. Ролинсон был историком, который знал цену археологии задолго до появления «научного» археологического метода, а его толкование и анализ архитектуры и искусства в свете его письменных источников был образцом для подражания для его преемников.

Пренебрежение историей династии Ахеменидов стало еще заметнее из-за отсутствия новых впечатляющих открытий. Зачем востоковеду тратить свое время и толочь воду в ступе, когда многочисленные раскопки в других, пользующихся большим вниманием странах каждый год приносили потоки новых сокровищ на удивление всему миру и когда многие периоды истории Ближнего Востока становились известны лучше, чем периоды истории когда-то более прославленных Греции и Рима или даже история раннего Средневековья? Были вновь обретены новые культуры в дотолее неизвестных языках; новые литературные произведения требовали расшифровки, публикации и толкования. Время от времени археологи обнаруживали какой-нибудь документ того периода на египетском или вавилонском языке. Но как это могло заинтересовать ученых, которым повезло иметь дело со славой Вавилона в эпоху Хаммурапи или Навуходоносора, ассирийской Ниневии или египетских Фив? Большая часть имеющихся источников по истории династии Ахеменидов была написана на греческом языке. Ими занимались, соответственно, выдающиеся историки, воспитанные на античных произведениях; а востоковед под давлением своей собственной работы все больше и больше терял знания греческого. Почему бы эту неподходящую задачу не оставить тем, кто более пригоден для ее выполнения? Естественным следствием было то, что история могущественной империи

Ахеменидов была представлена в виде ряда не связанных друг с другом эпизодов, которые образовывали единое целое и обретали значимость лишь тогда, когда помещались в историю небольших греческих государств.

Несмотря на прохладное отношение, в наших знаниях об империи были достигнуты значительные успехи. Появились новые и более полные тексты греческих авторов. Несколько произведений, имеющих большую важность, были обретены благодаря папирусам, а вместе с ними и много отрывков менее значительных работ. Авторы и даты наших греческих источников установлены более точно, а их факты – более тщательно проверены. Археология почти узурпировала место литературы в исследованиях Античности. Раскопки на греческих территориях в пределах империи Ахеменидов и за ними явили миру множество греческих статуй и барельефов, не говоря уже о многочисленных предметах повседневного обихода. Исследование греческих монет стало наукой. Еще одной наукой является эпиграфика; собрание греческих надписей должно быть под рукой каждого историка, изучающего древние времена. Ни в какой области изучения древности результат их использования не был столь революционным, как при исследовании греческого мира периода VI–V вв. до н. э.; далеко не малое число текстов проливают свет на отношения Греции с Персией. В настоящее время профессиональные историки пишут историю Греции; по давней традиции история древних времен всегда признавала высшую важность литературы и искусства, и профессиональному историку нужно было только акцентировать внимание на управлении, экономике и общественных движениях, чтобы поднять историю Античности на уровень по крайней мере более современных областей деятельности. И лишь рассмотренную с точки зрения греков, даже одну часть истории империи Ахеменидов можно считать соответствующей современным требованиям – это взаимоотношения Греции и Персии.

Не все востоковеды полностью игнорировали империю Ахеменидов. Одна небольшая группа талантливых ученых в области индоевропейской филологии подвергла немногие существующие древнеперсидские надписи самому глубокому исследованию, какому когда-либо подвергали столь скудные литературные источники. Некоторые исследователи перешли к изучению Авесты, которая благодаря их трудам стала понятной. Немногие исследователи Ветхого Завета осознали значение этого периода как основы для понимания доброй половины Библии.

За прошедшие несколько лет часть других востоковедов начала осознавать, что этот период слишком долго игнорировали. Обнаружение архивов поселения еврейских наемников, расположенного рядом с первым порогом на Ниле, произвело настоящую сенсацию. Здесь обнаружились самые близкие параллели в языке и стиле с арамейским языком Эзры (реформатор иудаизма из рода первосвященников Иерусалимского храма; в середине V в. до н. э. прибыл в Иерусалим во главе иудеев, возвращавшихся из вавилонского плена. – *Пер.*). Рескрипты персидских царей цитировались у Эзры; критики Ветхого Завета ранее объявляли их поддельными, но теперь появилось веское доказательство того, что сами критики ошибались. Для сравнения с этими когда-то спорными указами теперь появился еще один указ, в котором правивший позднее монарх приводил к повиновению этих далеких евреев-еретиков с помощью недавно обнародованного закона о еврейской Пасхе. Другие рескрипты были изданы сатрапами (наместниками провинций в Древней Персии. – *Пер.*) или церковнослужителями. Внутреннюю жизнь общины раскрыли документы, связанные с торговлей. Самой удивительной из всех находок была автобиография самого Дария, которого теперь знали уже не только по надписям, сделанным тремя видами клинописи, так как у этих евреев имелась ее сильно попорченная копия на их собственном арамейском языке!

Ученые читали «Мудрость Ахикара» на языке «оригинала» – греческом и в различных переводах на восточные и западные языки. Некоторые из них предполагали, что настоящим языком оригинала должен был бы быть арамейский язык – теперь этот оригинал на арамейском языке был найден в архивах. Исследователи Ветхого Завета быстро пришли к убеждению, что

для изучения арамейского языка началась новая эра. Продолжали появляться находки современных той эпохе папирусов и надписей, и стала укрепляться вера в то, что большие куски еврейских апокрифов и псевдоэпиграфов также имели арамейское происхождение. Тогда оригиналы на арамейском языке были предложены для самих Евангелий. Профессиональные критики Нового Завета оставались глухи к такому предположению, но эта проблема привела лишь к обнаружению других древних литературных произведений на арамейском языке, включая Таргумы – переводы Библии на арамейский язык, изначальные формы которой можно проследить почти до самого позднего периода правления Ахеменидов. К этому времени, как были уверены востоковеды-профессионалы, арамейский язык был привычным языком канцелярии Ахеменидов.

Пока их приглашали обсуждать простые переводы древнеперсидских надписей на аккадский язык, ассириологи оставались равнодушными. Когда же появились тысячи табличек с клинописными текстами более поздних периодов, что-то нужно было делать с их толкованием и публикацией. Когда в самом разгаре была мода на греческие папирусы, египтологи были вынуждены изучать современные им папирусы, написанные демотическим письмом, и надписи, начертанные иероглифами. Историю Египта уже нельзя было подобающим образом закончить последней династией империи, оставив последующие века вплоть до Сансского периода для непрошеного приложения. Саисский период, как теперь стало понятно, был скорее началом новой эры, когда греки и египтяне впервые близко познакомились друг с другом. Это знакомство крепло на протяжении всей эпохи Ахеменидов, пока сюда не пришел Александр, чтобы принести эллинскую цивилизацию.

Новый период в возрождении Древнего Ближнего Востока начался, когда директор Института Востока Чикагского университета Джеймс Генри Брестед отправил археологическую партию с целью провести незначительные «расчистки» перед окончательным обнардованием хорошо известных построек на террасе Персеполя. Эти «расчистки» быстро превратились в обычные раскопки под руководством профессора Эрнста Херцфельда, а затем были успешно завершены доктором Эрихом Ф. Шмидтом. Результаты были впечатляющими и превосходили самые фантастические надежды. Мир затаил дыхание в изумлении, когда в земле были обнаружены и раскопаны 90 метров великолепных барельефов, которые по большей части оставались такими же нетронутыми, как и в тот день, когда они были вырезаны двадцать два века назад. Вслед за этим вскоре последовали и другие барельефы, почти равные по красоте уже найденным. Были раскопаны постройки, о самом существовании которых до этого момента никто и не догадывался. Среди них были казармы дворцовой стражи и сокровищница Дария и Ксеркса. Был обнаружен и восстановлен гарем этих монархов, и из него был сделан «дом раскопок»; посетители могли поспать в комнатах, где когда-то жили царицы и их прислужницы под бдительным присмотром евнухов.

Следы пожаров, возникших по приказу пьяного Александра, еще были видны на руинах, горящие балки оставили свои следы там, где упали. Его солдаты растащили из сокровищницы драгоценные металлы и разбили предметы искусства, которые не могли унести с собой. К счастью для нас, они оставили величайшее сокровище – статую, у которой, несмотря на варварское отсечение головы, рук и отдельных частей этими предполагаемыми носителями эллинской культуры, остался торс необыкновенно прекрасной женщины, изваянный греческим мастером в те годы, когда греческая скульптура была в самом расцвете.

Они также оставили тысячи табличек, на полную расшифровку которых должно уйти много лет. Надписи обычно сделаны на эламском языке, хотя есть некоторые на арамейском, известны несколько на фригийском и одна на греческом. Все они имеют отношение к строительной деятельности Дария и Ксеркса, по приказу которых возводились эти самые постройки. Мы можем узнать имена рабочих и названия стран, из которых они прибыли, какую работу они делали, какую плату получали. Мы также узнаем о новорожденной дочери Дария, названной

именем матери, уже известной нам, и о подарке, который она получила. В царской сокровищнице нашлись архивы Ксеркса, связанные с осуществлением повседневных управленческих процедур. Изображения Дария, Ксеркса и их высокопоставленных лиц на оттисках печатей обнаруживают новую, и во сне не снившуюся художественную школу. К данным, уже давно полученным благодаря барельефам, мы можем добавить много нового о жизни царя и знати. Из малозначительных археологических находок и табличек мы впервые получаем некоторое представление о жизни простых людей.

Работа в тиши здания Института Востока в Чикаго шла наравне с раскопками в Персеполе. После обнаружения новые надписи были внесены в современный словарь каталожных карточек древнеперсидского языка. Похожий словарь эламитского языка сделал возможной более быструю расшифровку тысяч табличек на эламитском языке. Таким же образом, чтение арамейских слов, написанных чернилами на табличке и камне, облегчает третий словарь на этом языке. Четвертый словарь посвящен финикийскому языку, на котором были сделаны многие надписи того времени. В большом словаре ассирийского языка, составление которого практически завершено в настоящее время, есть отдельный раздел, в котором более десяти тысяч административных и коммерческих документов, относящихся к Халдейскому, Ахеменидскому и Селевкидскому периодам, размещены в хронологической последовательности, год за годом. Другие молодые ученые работают над египетскими текстами, написанными демотическим, иератическим и иероглифическим письмом, которые дошли до нас из более поздних веков. Наши исследователи Ветхого Завета проявляют все больший интерес к более поздней половине Библии. Наше собрание фотографий археологических находок, насчитывающее около трехсот тысяч снимков, уже почти полное, в него включен весь разрозненный материал из разных стран, который относился к эпохе империи Ахеменидов, вместе со всем тем материалом из более ранних веков, который необходим для ее правильного понимания. Значительная часть ценной исторической информации, которая получена из этих различных исследований, уже находится в печати, и на нее будут даны ссылки на последующих страницах. Можно ожидать даже еще более удивительных результатов в будущие годы.

В этом возрождении более поздней истории Ближнего Востока неизбежно должен был сыграть свою роль профессор-востоковед. К счастью, автора всегда завораживала история этой ключевой эпохи, когда персы и греки вступили в контакт и оказали друг на друга такое глубокое влияние. В студенческие годы он готовился к выполнению своей будущей задачи с помощью многочисленных курсов по древней истории, греческой и римской литературе, археологии, эпиграфике и палеографии, равно как и восточным языкам и литературе. На протяжении двадцати лет работы в университетах Миссури и Иллинойса он преподавал общий курс древней истории, а продвинутые курсы и семинары регулярно проводились в тех областях, где сходились Восток и Запад. С его появлением в Чикагском университете почти половина лекций его начального курса была посвящена этому более позднему периоду древней истории Востока, а его семинары почти все без исключения были связаны с проблемами того же периода.

В эти годы постепенно вырисовывалась новая картина империи Ахеменидов. В результате недавних раскопок стали известны доисторические культуры Иранского нагорья. Одни из самых значительных раскопок – возле самого Персеполя – проводил Институт Востока, и окончательное подведение итогов всех этих работ проводилось здесь самым последним кандидатом на докторскую степень. Другой кандидат собрал вместе письменные документы, связанные с историей Ирана до эпохи Ахеменидов. Таким образом, теперь мы обладаем практически достаточной базой для изучения особого периода, которому посвящена эта книга.

На протяжении этих лет восточные источники информации о периоде правления Ахеменидов медленно систематизировались. Их вклад особенно ценен, потому что они восстанавливают равновесие, столь сильно до недавнего времени смещенное в сторону греческих авторов. Благодаря этим авторам мы близко познакомились со многими известными жителями Востока;

сейчас мы узнаем их истинные имена, и, рискуя наскучить читателю, мы должны назвать их. Мы узнаем о других событиях на Востоке, о которых греки не имели представления и которые оказываются такими же интересными и важными, как и их отношения с границей западного мира.

Эти источники далеко не все персидского происхождения. В Египте под властью персов было написано почти так же много, как и во времена его независимости. На протяжении почти всего IV в. до н. э. страна Нила шла своим путем под властью своих монархов – некоторые из них заслуживают столько же места на страницах нашей истории, сколько и великие цари Персии. Благодаря египетским документам можно узнать Египет периода этих более поздних династий так же хорошо, как и в периоды более известных их предшественников.

Раз уж их произведения сохранились в нашем Ветхом Завете, сравнительно небольшие еврейские племена всегда будут привлекать к себе особый интерес. Огромный поток света, который история Ахеменидов проливает на священную книгу, проявился в другом труде; здесь достаточно указать, что Ветхий Завет проливает столько же света на историю Персии. Своими надписями финикийцы тоже добавляют немалое количество информации. В Малой Азии также есть свои местные письменные документы, и благодаря надписям на лидийском, ликийском и арамейском языках мы узнаем о новых личностях, народах и обычаях.

Однако больше всего данных нам дает Вавилония. Многие ее сатрапы известны нам поименно. К нашему повествованию можно добавить тех, кто восставал против власти персов. Но мы в огромном долгу перед Страной между двумя реками за удивительную панораму культуры.

Настоящий искатель исторической правды должен в подробном исследовании назвать имена многих личностей, которые сами по себе не представляют большого интереса, но являются составной частью общей картины. Для неспециалистов они могут оставаться анонимами. Повествовательная история часто скучна, и по мере ее развертывания неизбежно появляется много моментов, с которыми не все согласятся. Этой книге предшествовал ряд статей на спорные темы. Но важнейшая правда, стоящая за любой отдельной проблемой, опирается на способ, с помощью которого решение вмещается в общую картину. Поэтому историк в повествовательной истории не должен прерывать связность своего рассказа подробными аргументами в пользу правильности излагаемых им точек зрения, потому что итоговая картина сама по себе покажет, правильны они или нет.

Цель этой книги – показ культуры или, скорее, культур, так как история Ахеменидов представляет собой завораживающую картину различных цивилизаций, находившихся на разных ступенях развития, в процессе смешения. Во всей мировой истории не найти более яркой и поучительной картины такого смешения. Мы узнали кое-что об этом смешении, которое происходило в эллинский период, и мы смутно осознали, что этот процесс шел в течение скольких-то лет до этого. Тот факт, что эти изменения продолжались ускоренными темпами за более чем век до прихода Александра, является недавним открытием. Мы поняли, что происходило смешение персидской и греческой культур; обнаружение ближневосточных источников показало, насколько всеобщим был этот процесс.

Из этих источников мы получили подтверждение того, что Геродот говорит о системе управления персов; теперь мы можем описать эту систему в мельчайших деталях и с множеством иллюстраций. Мы знаем, как жестоко взимались налоги и как непомерные налоги ускорили упадок империи. У нас есть рассказы, смешные и трагические, которые показывают взяточничество чиновников и попытки высшей власти пресечь его. Мы можем проследить жизненный путь жертвы, ее угнетателя и забавных плутов.

Мы знаем, как жил простой человек в различных сатрапиях империи. Мы можем сказать, что он ел, сколько платил за еду, питье, свою одежду, лекарства, жилье или дом. На протяжении этого периода мы можем видеть, как растут его расходы без соответствующего пополнения

его доходов, и можем ощутить, как он нищает до тех пор, пока не наступает облегчение – смерть. Вместе с ним мы веселимся на свадьбах, сокрушаемся о разводах или приходим на похороны. Мы становимся свидетелями его договоров и даем показания на суде над ним после принятия нового имперского свода законов. Для каждого этапа его повседневной жизни у нас есть документ-свидетельство.

Над жизнью простого человека господствовал храм. Там, во время праздника, он мог своими глазами увидеть пышные процессии; там он мог поклоняться своим богам. Но для большинства жителей империи храм (представленный жрецами) был неприятным общественным институтом. Простой человек был его рабом или арендатором, и храму шла большая часть заработанных тяжелым трудом его доходов. На Древнем Ближнем Востоке религия редко на самом деле давала повод для радости.

Но у нас также есть история о замечательной религии, проповедуемой Зороастром, величайшим из арийских пророков. Мы можем рассказать об арийском язычестве, из которого она выросла, и о частичном язычестве, в которое она вскоре впала. Мы также можем рассказать историю о более примитивном магизме, хотя его ужасное влияние на более поздний зороастризм, к счастью, находится за рамками данного исследования. За изучаемый нами период иудаизм превратился в нечто похожее на современный иудаизм, хотя и с различными экскурсами вбок, которые нам небезынтересны. Другие религиозные движения можно окинуть взглядом лишь мельком, но все они развивались по синкретическому сценарию, в результате чего возникли таинственные религии Римской империи. В этот период также происходило развитие астрономии – замечательной науки, которая оказала столь глубокое влияние на развитие науки Греции и нашего времени.

К этому моменту мы понимаем, насколько неполными были наши знания об империи, если смотреть на нее лишь глазами греческих авторов даже при помощи самых лучших современных историков. На протяжении огромных отрезков времени в этот период Восток жил сам по себе и для себя. К его концу правящие классы, возможно, уже переняли некоторые аспекты греческой культуры, но это подражание было поверхностным. Греческие наемники, состоявшие на жалованье у царского двора, мятежников или царств-соперников, были не самыми лучшими миссионерами, так как они вызывали больше антагонизма, нежели приверженности к их культуре.

Мы понимаем теперь, что Греция никогда не представляла серьезной политической угрозы империи, потому что не существовало Греции как политического целого, были лишь греческие государства. Вскоре после своего возникновения империя завоевала самое большое, богатое и просвещенное из этих греческих государств, и по большей части они оставались в составе империи. Недавние раскопки показали, что эти государства продолжали существовать, находясь полностью под властью Персии, и на их жизнь таким образом она оказывала сильное влияние. Мы видим, что Дарий и Ксеркс должны были бы завоевать те немногие оставшиеся свободными греческие государства, но мы также можем проанализировать грубые просчеты персов, которые спасли некоторые из них. По мере роста власти свободных государств, хоть они и ослаблялись постоянно внутренними войнами, мы можем проследить процесс заката военных успехов персов, но в то же самое время шел процесс развития ее дипломатии. Это происходило, несмотря на внутреннее ослабление и бурные мятежи сатрапов и местных царей, до тех пор, пока благодаря персидским лучникам Персия не заняла завидное положение диктатора на территории, которая оставалась от свободной Греции.

Заря эллинской эры ощущается во все возрастающем проникновении в империю греческих наемников и купцов, использовании греческих медиков, спортсменов, скульпторов и поваров, в приездах греческих философов, литераторов и ученых. Когда Александр уничтожил империю своим военным вторжением, Восток на недолгое время утратил свое положение в мире. Насколько быстро он возвратил себе большую часть своего влияния – тема другой книги.

А. Т. Олмстед

Глава 1

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

Когда в 539 г. до н. э. Кир вошел в Вавилон, мир был древним. И что еще более важно, мир знал о своей древности. Его ученые составили длинные династические списки, и простое сложение, казалось, доказывало, что цари, памятники которым еще можно было увидеть, правили более четырех тысяч лет до этого. Однако раньше были другие монархи, сыновья богов и сами полубоги, время правления которых охватывало несколько поколений нынешних недолго живущих людей. И даже их предшественниками, как считали египтяне, были сами боги, которые обладали властью на Земле на протяжении долгих эонов. До Всемирного потопа у вавилонян, по их утверждению, было десять царей, наименьший срок правления одного из них составлял 18 600 лет, а наибольший – 43 200 лет.

Другие народы знали об этом потоке и рассказывали о монархах – например, о Наннаке из Иконии, – которые правили до него. Священная история евреев имела продолжительность четыре тысячи лет; и хотя их цифры по сравнению с вавилонскими и египетскими были скромными, они документально зафиксировали, что один патриарх допотопных времен перед своей смертью почти достиг тысячелетнего возраста. Греческие поэты воспевали легендарные времена, когда родословные героев «восходили к богу». Каждый народ и государство, каждый бывший город-государство хвастался своей собственной историей возникновения и своим местным богом-создателем.

Поклонение своему далекому прошлому было особой чертой этих заключительных дней Древнего Востока. Последний независимый царь халдеев Набонид обрадовался, когда были обнаружены архивы Нарамсина, которые были сокрыты в земле в течение тридцати двух веков – так сказали ему его ученые мужи. Его надписи полны ссылок на давно уже умерших правителей, начиная от царя Урнамму и его сына Шульги – основателей Третьей династии Ура, великого законодателя Хаммурапи и вавилонского царя из Касситской династии Бурнабуриаша и кончая почти современными ему ассирийскими завоевателями; этот период охватывал по крайней мере пятнадцать веков. Древние храмы были восстановлены, древние культы – возрождены вместе с их древними обрядами, а его дочь – посвящена служению в древнем храме.

Набонид был не только «собирателем древностей». Навуходоносором были начаты реставрация не одного храма и не одна культовая реформа, он тщетно искал древние записи, относящиеся к строительству, которые обнаружил его более удачливый преемник; его собственные надписи были намеренно стилизованы под старину и подражали по стилю и написанию надписям прославленного Хаммурапи.

Культ древности стал страстью, когда Двадцать шестая (Сансская) династия собралась восстанавливать азиатскую империю Восемнадцатой династии. Копировались древние тексты и писались новые по их образцу – подражали даже стилю и форме иероглифов. Современное тому времени саисское искусство было смягченной копией искусства периода Восемнадцатой династии. Бог Амон, появившийся менее пятнадцати веков назад, уступил свое почетное место богине Нейт, давней покровительнице Саиса, и люди стали снова поклоняться почти забытым божествам. Чиновники брали себе помпезные титулы Древнего или Среднего царств, и их хоронили по древним обрядам в гробницах, в которых повторялись планы, барельефы и тексты, выбитые на стенах пирамид времен Пятой и Шестой династий приблизительно за две тысячи лет до этого.

Похожие процессы происходили и среди небольших народов. Реформой Иосии была национальная декларация о независимости, но в ее основе лежал свод законов, приписываемый древнему законодателю Моисею. Надежда на немедленное освобождение содержится в

рассказе о том, как Бог спас Свой народ из египетской неволи. Возрождение прошлого было темой пророчества об освобождении из вавилонского плена и мечтой второго Исайи. И каким бы высоким ни был уровень грамотности, большинство людей не умели ни читать, ни писать – но они могли слушать. Из уст в уста еврейские отцы рассказывали своим сыновьям об Исходе из Египта, завоевании Земли обетованной и правлении Давида, которое в один прекрасный день к ним вернется. Из уст в уста передавались легенды о Саргоне, Моисее или Хуфу и доходили до простых людей. И какими бы неясными ни были подробности, все народы Западной Азии знали о прошлом, слава которого сияла тем ярче, чем дальше оно отстояло от настоящего. Завоевание чужеземными правителями лишь усиливало это поклонение прошлому.

Что эти народы думали о своем прошлом – существенный элемент нашей истории. То, чем это прошлое было на самом деле, должно составлять фон всей картины. В главном их рассказ был правдив. Мы можем доказать, что ученые определили последовательность династий, которые на самом деле принадлежали той эпохе, а истоки письменной истории появились на тысячу лет позже, чем они предполагали. Мы уже не верим, что боги и полубоги правили на протяжении промежутков времени гораздо больших, чем продолжительность жизни в наши дни. Но нам нужно только заменить полубогов безымянными героями ранней истории, чтобы признать, какая доля правды смутно помнится в легендах. Правление богов мы заменяем доисторией и понимаем, что эти люди двадцать пять веков назад испытывали то же самое благоговение, которое чувствуем мы, когда вспоминаем те долгие века, которые прошли с того момента, когда человек впервые зашагал по земле.

Настоящий человек был впервые обнаружен на Ближнем Востоке. До начала первого периода сильных дождей и оледенения он начал обтесывать кремь. По этим кремневым орудиям мы можем проследить его успехи на протяжении второго, третьего и последнего из этих серьезных колебаний климата, каждый из которых имел огромную продолжительность в исчислении на наши годы; в их конце он по-прежнему был человеком эпохи палеолита, или каменного века. На протяжении этих долгих веков он добился большего, чем усовершенствование своей техники обработки камня или кости: у него появилась семья, которую он содержал, охотясь; он стал жить в пещере; он умиловивлял или отвлекал опасные «силы» с помощью колдовства; он надеялся на жизнь после смерти.

Ближе к концу палеолита люди нашего с вами вида были обитателями Ближнего Востока. Были одомашнены крупный рогатый скот, овцы, козы и свиньи, выращивались ячмень, пшеница и лен. Потом жители Ближнего Востока разделились: одни стали скитающимися кочевниками, другие – оседлыми селянами. В то время как кочевники по своей сути не менялись, в деревнях развивалась цивилизация. Люди стали строить стены, чтобы защитить зажиточных от менее удачливых сородичей или от кочевников; в деревне избирался «царь», который вставал во главе деревенского войска во время войны. Разделение труда усиливалось по мере того, как усложнялась жизнь. Чтобы почва приносила плоды, люди поклонялись силам плодородия, которых стали считать настоящими богами и богинями – величайшей из них была Мать-Земля в своих разнообразных проявлениях.

К первой и низшей евроафриканской расе добавились другие расы. Вокруг огромного внутреннего моря преобладающей была средиземноморская раса: люди с вытянутой головой, худощавые, среднего роста, со светло-оливковым цветом кожи. Развились подрасы: египетская в долине Нила, семитская в Северо-Аравийской пустыне. К югу от Египта обитали негроиды, к западу – ливийцы (в которых некоторые нашли бы древнейших представителей нордической подрасы), а на северном нагорье – арменоиды – высокие и крепкие, с желтоватым цветом кожи и необычно круглыми головами.

Кавказский язык, на котором в наши дни говорят лишь в глухих уголках Кавказа, был, наверное, базовым языком Ближнего Востока. До первого «дохристианского» тысячелетия в Западной Персии говорили на эламском языке; халдейский появился в Армении, хуррий-

ский, или митаннийский, – в Северной и Западной Месопотамии, а хеттский, карийский, памфилийский, ликийский и лидийский – в Малой Азии. Изначально семитский язык был ограничен Северной Аравией. Около шести тысяч лет назад первый большой поток кочевников принес близкосемитский язык в Египет, познакомил ханаанцев и финикийцев с их историческим местом жительства и привел людей, говоривших на аккадском языке, в Вавилонию. В Вавилонии также осели шумеры, чье умение управлять лошадью и колесницей, физические особенности и агглютинативный «туранский» язык наводит на мысль о центральноазиатском происхождении.

Человек научился ковать чистую медь. Позднее он обнаружил, что медь можно выплавлять из руды; вскоре тем же путем были получены золото, серебро и свинец. Металлические орудия труда сделали сельское хозяйство и производство более продуктивными и обеспечили основу для более развитой технологии. До сих пор глину для грубой керамики лепили вручную, тогда как примитивный гончарный круг позволял делать более правильные формы, а различные рельефы и краска были дополнительным украшением. Знахари добавили к своим амулетам и заклинаниям знания о дикорастущих растениях.

Более развитая цивилизация расширила селения и превратила их в города, а тех – в города-государства, которые в результате постоянных войн постепенно сливались в более крупные объединения. Царская власть усиливалась, так как более сложные условия жизни требовали более эффективного управления.

К концу 4-го тысячелетия до н. э. была изобретена письменность в Вавилонии и Египте. В обеих странах она началась с простого рисуночного письма, в котором один значок обозначал слово. И здесь и там она быстро возшла на вторую ступень, начав использовать знак для обозначения подобного звука в любом слове – развилось чисто фонетическое слоговое письмо. Вавилоняне указывали гласные, египтяне – нет, но в качестве компенсации они разработали алфавит из согласных звуков для дополнения идеографических и силлабических символов. Египет сохранил свое рисуночное письмо для надписей на памятниках, тогда как упрощенное скорописное письмо – иератическое – возникло из-под пера, пишущего на папирусе. Вавилония быстро перешла от линейного письма к клинописи, которую удобнее было наносить стилосом на глиняные таблички.

Письменность дала возможность записывать исторические повествования, когда цари Египта или Вавилонии вступали в войну с другими народами. Через их записи мы можем мельком увидеть эти культуры, которые все еще более наглядны для нас благодаря материальным предметам, которые остались после них. В основных чертах картина совпадает. И здесь и там мы находим город-государство – городской центр в окружении деревень и полей. Во главе его стоит царь – наместник бога на земле, разделяющий его божественную сущность. Он обладает прямым доступом к богам, но есть также и жрецы, которые проводят обряды, предписанные с далеких доисторических времен. Земля находится в собственности богоцаря, который дарует право пользования своей собственностью и доходами от нее своему земному представителю, реальному правителю, поэтому земледельцы платят этому представителю арендную плату, а не налоги. Первым долгом царя является защищать верующих в бога. Успех в войне есть победа местного бога над его соперниками-богами; побежденные боги становятся его вассалами точно так же, как побежденные цари становятся вассалами его представителя на земле. Таким образом города-государства постепенно объединяются в царства.

Несмотря на то что длинная и узкая долина Нила протянулась по пустыне, где единственные политические границы по необходимости существовали лишь в верхнем и нижнем течении, на момент появления письменности в Египте существовало два царства, и Менес быстро объединил их. В Вавилонии весь процесс объединения, которого требовала сложная система каналов, можно проследить по письменным документам. В Северной Вавилонии проживали неграмотные семиты, на юге – шумеры с развитой материальной культурой, но их

жизнь омрачал страх перед многочисленными злыми духами, нападения которых можно было отразить лишь при помощи магических заговоров. На востоке находилось Иранское нагорье, цветная керамика которого демонстрировала совершенство абстрактного искусства, которое всегда главенствовало в этих краях. Ближе к концу этого периода Элам позаимствовал шумерские символы для своего языка, а вместе с ними и многие другие элементы культуры. Собственно Месопотамия была в сфере культурного влияния Вавилонии, равно как и Северная Сирия, которая, однако, также демонстрировала особые черты, уходящие корнями в Малую Азию. Ханаанцы и финикийцы имели более тесные связи с Египтом, это относилось и к будущим греческим землям, которые уже были неотъемлемой частью Ближнего Востока.

С началом 3-го тысячелетия до н. э. картина проясняется. Египетские и в равной степени шумерские гробницы свидетельствуют о поразительной вспышке, свежей струе мощного искусства и о таком же удивительном использовании драгоценных металлов, но все это посвящено умершему царю и его приближенным, которые согласно ритуалу были убиты, чтобы сопровождать своего господина в загробный мир. Культ умершего царя достиг своей наивысшей точки в египетской пирамиде, который истощил страну ради того, чтобы один человек мог оставаться вечно живым. Чтобы достичь этой цели, в царстве была избыточная армия чиновников-управленцев, но при этом документы свидетельствуют о том, что бизнес процветал.

Параллельно развитию управления и коммерции шло развитие азов научных знаний. Коммерция и администрация требовали умения считать, что в Египте осуществлялось при помощи десятичной системы, а в Вавилонии – комбинации десятичной и шестидесятеричной. Арифметические задачи решались, а землемерная съемка полей дала начало элементарной геометрии.

Люди, находившиеся так близко к земле, что жизнь вне дома вынуждала их замечать мельчайшие детали на небе, не могли не осознавать влияния небесных тел. День и ночь определялись богом-солнцем и богом-луной; прибывание и убывание бога-луны дало следующий календарный отрезок – месяц; бог-солнце своим путешествием на север и возвращением обозначал еще больший отрезок времени – год. Вскоре было признано, что календари бога-солнца и бога-луны не согласуются, так как солнце не возвращалось к своей исходной точке за двенадцать циклов бога-луны. Подгонку лунного года к солнечному два народа осуществили совершенно по-разному. Египтяне давно узнали, что солнечный год длится приблизительно 365 дней, поэтому они добавили к двенадцати месяцам из тридцати дней пять дополнительных дней, чтобы получился год, отклонение которого от настоящего солнечного года еще не будет обнаружено на протяжении нескольких поколений. Вавилоняне были согласны сохранить в году двенадцать месяцев, вставляя в календарь новый месяц, когда становилось заметно, что с временами года что-то не в порядке.

Нужно было удовлетворять и другие нужды, в равной степени практические для жителя Востока. Каждое действие могло быть зловещим; данные собирались из наблюдений за деятельностью самого крошечного насекомого, движением звезд, выкидышами у женщин или животных или из изучения печени принесенных в жертву овец. Люди систематизировали их в замысловатые «науки», строго логические в своей классификации и толковании с момента принятия их постулатов, и тем самым подготавливали путь для настоящей науки. Космологические рассуждения должны были ответить на такие практические вопросы, как и почему человек, зло и смерть появились в этом мире или почему человек не может оставаться бессмертным; в результате появились рассказы о создании мира, которым было суждено оказывать сильное влияние на мыслителей более позднего времени. Злые духи или сами боги вызывали болезни, поэтому нужно было призывать знахаря. Естественно, он использовал заклинания из глубокой древности, в эффективность которых он верил наполовину. Как психолог-практик, он знал, какой эффект они оказывают на разум его пациентов, но собранные наблюдения давали ему определенные знания медицинских свойств растений, животных субстанций и минералов.

К концу 3-го тысячелетия до н. э. Саргон из Агаде объединил наносные образования Вавилонии и распространил власть семитов далеко за пределы ее природных границ. Шумерская клинопись была адаптирована к фонетически отличному от шумерского языка семитскому языку аккадцев, и так появилась семитская литература. Шумерский язык продолжали использовать как священный язык, единственно понятный более древним богам, способный отогнать злых духов. Формулировки в коммерции также сохранили древний язык, и таким образом аккадский язык оказался заполненным шумерскими заимствованными словами. Чтобы удовлетворять новым потребностям, писцы готовили междустрочные переводы, списки символов и сборники фраз – так родилась практическая грамматика. Через столкновение двух культур получало стимул мышление – в мире появились новые идеи, произошла новая вспышка художественного гения.

Затем древние культуры начали распадаться на составные части, когда враги стали угрожать границам, и новые проблемы вынудили людей больше думать. Египетские монархи поняли, что просто вес пирамиды не может ни обеспечить личное бессмертие, ни защитить их бранные тела, и письменная магия вытеснила материальное в текстах, выбитых на стенах пирамид периода Пятой и Шестой династий. Надежда на истинное бессмертие подбадривала простого человека. Мудрый визирь Птаххотеп собирал афоризмы древних мудрецов и давал наставления в практической морали. По мере усиления дезинтеграции Ипувер размышлял об общественных и экономических изменениях, которые ужасали его консервативную душу, мечтая о грядущих днях, когда сам бог Ра будет править справедливо. В Вавилонии также пересмотрели проблему зла, а также почему боги гневаются, почему человек не живет вечно и почему справедливого реформатора Урукагину ждала такая незаслуженная судьба.

Полный распад расколол Египет на воюющие царства, которые страдали от вторжений азиатов; гуты завоевали Вавилонию во время первого переселения северных народов. Распросы древних мудрецов завершились огромной волной пессимизма, выраженного диалогом египтянина со своей душой или вавилонским Иовом, где жалоба справедливого человека, наказанного незаслуженно, выслушивается с сочувствием и все-таки в заключение делается вывод о повиновении всемогущему богу, воля которого не может ставиться под сомнение.

Вавилония оправилась первой при Третьей династии Ура. Урнамму и его сын Шульги заново объединили наносные земли и прибавили чужие территории к северу и востоку. Цари были семитами, но царские надписи, административные и коммерческие документы, а также официальная литература почти без исключения были написаны на шумерском языке. И хотя это был последний период расцвета шумерской литературы, ей было далеко до классической: в языке были заметны явные признаки вырождения. Торговля процветала, воздвигались огромные постройки, и в какой-то степени в моде было условное искусство. Династия пала, и Элам вступил на собственный путь завоеваний и культурного развития, в то время как Вавилония была разделена на постоянно воюющие мелкие государства под властью недавно появившихся аморитов (семитские племена, выходцы из Аравии. – *Пер.*).

Из неразберихи появился Вавилон как столица талантливого руководителя и законодателя Хаммурапи. С этого времени этот город-выскачка стал представлять для иностранцев Вавилонию, которой он дал свое название. Ее местного бога по имени Мардук приветствовали как царя богов; древние литературные произведения религиозного содержания стали переводить с вымирающего шумерского языка и переписывать заново, с целью почтить божественного владыку Вавилона как создателя и царя.

Приветствуемый почти как мессия благодаря «предсказаниям» так называемых древних пророков, Аменемхет заново объединил Египет и основал Двенадцатую династию. Подобно Вавилону, его столица Фивы была «выскачкой» с богом-бараном Амоном, который стал владыкой страны, отождествленный с богом солнца Ра. Народ же охотнее молился старым богам плодородия Осирису и его супруге Исиде, тогда как тексты, найденные в гробах, показывают

зарождение веры в то, что люди должны поступать по справедливости в земной жизни, если они хотят быть счастливы в мире ином. Считалось очень важным соблюдать справедливость в политике. Предшественник Аменемхета превратил древние «наставления» в «Искусство править» для своего сына Мерикера. Аменемхет подготовил для своего сына Сесостриса макиавеллиевский трактат, а другой трактат для его визиря. В них он подчеркнул одиночество тех, кто занимает ответственные посты, и сделал в равной степени выразительный – и абсолютно несентиментальный – акцент на необходимости официальных властей заботиться о благополучии подданных. Страна Ханаан стала зависимой от Египта, а финикийцы добровольно стали его подданными-союзниками. Искусство Египта, технически превосходное, но застывшее по причине условности, получило новую жизнь у финикийских торговых магнатов.

Минойский Крит был в расцвете, его флот бороздил море, а торговля приносила огромные богатства; эти богатства шли на предметы искусства, мотивы которых часто были заимствованы у Египта, но совершенство которых неизмеримо привлекательно для нашего современного вкуса. Широко распространена была письменность; идея представлять слова в виде условных рисунков была предложена Египтом, но глиняная табличка появилась в колониях ассирийских купцов на востоке Малой Азии.

Это было замечательное время развития науки. Египет и Вавилония соперничали за главенство в математике. Египтяне использовали десятичную систему и выражали дроби в виде бесконечного деления. К десятичной системе вавилоняне добавили шестидесятеричную для единиц высшего порядка и разделили составные дроби на более мелкие шестидесятые части, что облегчило вычисления. Египтянам были известны квадраты чисел и квадратные корни, и они умели решать сложные задачи с пропорциями и арифметической прогрессией. У вавилонян были под рукой справочные таблицы для умножения и деления, таблицы квадратов и кубов чисел, квадратных и кубических корней.

Именно в алгебре и геометрии были достигнуты самые впечатляющие успехи. Вавилоняне сформулировали теорему о прямоугольном треугольнике, которую мы называем теоремой Пифагора, а также открыли два более простых способа ее решения, в которых есть лишь одна небольшая ошибка. Они узнали, что у подобных прямоугольных треугольников катеты пропорциональны; они разделили треугольник на равные части; они умели вычислять площади прямоугольников, прямоугольных треугольников и трапеций одного вида. Более сложные поверхности они делили на фигуры, площадь которых они умели вычислять. Они нашли площадь круга и определяли число π («пи») приблизительно как 3. Без помощи алгебраических формул они решали задачи по сути алгебраическими методами, каждый шаг в решении которых может быть представлен современной формулой.

Они использовали эквивалент квадратного уравнения и остановились, не зная бинома Ньютона.

Подобно вавилонянам, египтяне делили треугольник и вычисляли его площадь точно так же, как они вычисляли площадь трапеции с параллельными сторонами. Их приближенное значение π как восемь девятых диаметра (или, как мы сказали бы, 3,1605) было более точным, чем у вавилонян, и с его помощью они получали площади кругов и объемы цилиндров или полусфер. Они вычисляли объем усеченной квадратной пирамиды, а то, что мы называем системой квадратных уравнений, они решали путем ложного положения.

Вавилонские астрономы, еще недостаточно освободившиеся от астрологии, чтобы использовать новую математику, тем не менее делали наблюдения и подготавливали терминологию. Часто созвездия носили названия, знакомые нам сейчас: Близнецы, Змея, Скорпион, Лев, Волк, Орел, Рыба, Козерог. Орион, «истинный пастух небес», не давал разбредаться «блуждающим овцам» (планетам), каждая из которых отождествлялась с богом или богиней. Путь бога-солнца проходил через двенадцать созвездий, которые дали названия нашему зодиаку. Его затмения предвещали недоброе, но затмения бога-луны были более многочисленными

и наблюдались чаще. Четыре части лунной поверхности соотносились с Вавилоном и тремя соседними государствами, и затмение соответствующей части предвещало зло той стране.

Другие предзнаменования тоже сделали свой вклад в зарождающуюся науку. Больше чем звезды судьбу царей и народов определяла печень жертвенной овцы; образцы и рисунки печени можно описать лишь при помощи латинской терминологии, существующей в современной анатомии. Были составлены длинные списки грубо классифицированных животных, растений и камней. Списки растений начинаются с трав, затем идут тростники и другие группы растений, близко соответствующие нашим семействам. Мы можем различить виды и разновидности благодаря тщательному описанию их различных частей. Давно уже было признано, что у финиковой пальмы есть пол и термины «женское» и «мужское» применялись и в отношении других растений. В системах классификации использовались такие рубрики, как «люди», «домашние животные», «дикие животные» (включая змей, червей, лягушек и т. п.), «рыбы» и «птицы».

Списки растений составлялись обычно с медицинскими целями. В медицинских текстах есть множество признаков магии, но есть и эмпирические знания. Симптомы болезни тщательно описаны в принятом порядке от головы до ног; мы можем распознать большинство болезней. Использовались припарки, горячие компрессы, массаж, свечи и катетер. Снадобья обычно принимали внутрь; знахари часто прописывали ртуть, сурьму, мышьяк, серу и животные жиры; вообще, использовались те же самые растения, которые мы находим в современной фармакопее. У египтян медицинские тексты были во многом такими же, но в учебнике по хирургии мы видим вполне научный подход. Каждому случаю дается точный диагноз, даже если лечение невозможно. Если больного можно вылечить, то следуют предложения по лечению. Раны ощупывали пальцами, прижигание делали огнем. Проводя лечение, хирург использовал absorbирующую корпию, плотняные тампоны, бинты и шины; края раны он соединял, накладывая швы или ленту. Он описывает различные части тела таким образом, что мы можем увидеть, что он все еще разрабатывает терминологию, но уже сделал удивительные открытия. Он узнал мозг с его извилинами и понял, что головной и спинной мозг управляют нервной системой; и он подозревает, что локализация функций человеческого тела находится в мозге. Он знает, что сердце – это насос; он измеряет пульс; он почти открыл систему кровообращения.

Тем временем, не замеченный цивилизованными народами, грубый полукочевой семит, работавший на египетских рудниках на Синайском полуострове, сделал изобретение, многое обещавшее в будущем. Будучи слишком невежественным, чтобы учить сложные иероглифы египтян, но зная, что они использовали алфавит из согласных в качестве дополнения к силлабическим и идеографическим знакам, он задал себе вопрос, почему никто еще не понял прекрасной простоты чисто алфавитного письма. Нескольким обычным египетским символам он дал название на своем родном ханаанском языке и сделал первый согласный звук его фонетической величиной. Он нацарапал несколько коротких предложений на своем ханаанском диалекте на скалах Синая – так был использован алфавит из согласных.

В 3-м тысячелетии до н. э. на широких равнинах Южной России жила группа скандинавов (представителей нордической расы), которые говорили на примитивном индоевропейском языке. Во главе каждого племени стоял царь, которого избирали из семьи потомков богов; ему помогал совет старейшин, хотя важные решения по вопросам войны, мира и выбор нового правителя провозглашались воинами. И хотя эти люди немного обрабатывали землю, по сути, они были полукочевниками, главной радостью которых была война. Их кони позволяли им свободно передвигаться во время их набегов, их семьи ездили за ними в крытых повозках их предков. Они селились не в деревнях, а в лагерях, окруженных четырехугольными земляными валами. Высокоразвитая техника и далеко не убогое искусство были посвящены главным образом оружию.

К концу этого тысячелетия они начали выдвигаться за пределы своей территории – на запад, юг и восток. Когда ахейцы вошли в Грецию, другие арийцы были на пути в Италию, и

великолепная металлическая культура появилась в Венгрии и Богемии. Малая Азия оказалась наводнена захватчиками, и бывшие отдельные государства постепенно объединились в могущественную империю хеттов. Ни у одного из хеттских царей не было индоевропейского имени, что является немым свидетельством слияния иммигрантов с более древними жителями, родной язык которых сохранился в священных обрядах. В адаптированной клинописи мы можем прочесть слова, написанные на первом индоевропейском языке. Государство Митанни было завоевано аристократами с индоевропейскими именами, хотя они переняли местный язык своих подданных; они поклонялись таким индоиранским богам, как Митра, Варуна, Индра и близнецам-братьям Насатъя. На изображениях в египетских гробницах они выглядят как люди нордической расы, потомки которых остаются ираноговорящими северными курдами. Другие индоиранцы проникли в Сирию и Ханаан и правили как мелкие царьки в городах, которые стали известными благодаря нашей Библии. Потомков Хаммурапи вытеснили касситы (или кашшиты), которые, возможно, говорили на кавказском языке, хотя имена людей и богов наводят на мысль об арийском следе. Вскоре они стали говорить на местном аккадском языке, а вместе с ним приняли и вавилонскую культуру. Их единственным нововведением был феодальный строй с привилегиями неприкосновенности, наложенный на более древнюю поместную систему.

Арийские элементы были обнаружены у гиксосов, которые основали в Сирии великую империю и на протяжении многих лет владели Египтом. Попытка выдворить их привела Восемнадцатую династию в Азию и к возникновению империи. К изначальным средиземноморским и семитским элементам Сирия уже добавила многое с берегов Нила и Евфрата; культурное влияние Египта теперь стало гораздо сильнее. Анатолийские элементы вместе с хеттами-завоевателями пришли в Северную Сирию, но аккадский язык Вавилонии использовался как международный язык дипломатии и торговли на всей территории Ближнего Востока. Цивилизация стала по своему характеру интернациональной.

Все было подготовлено для появления Эхнатона с его учением о любящем боге, распространяющем свою отцовскую заботу на все народы, а также с его нетерпимым монотеизмом. Мысль находилась в постоянном движении. Талантливые художники приветствовали освобождение от вековых оков условности и создавали произведения, выдающиеся по своей силе и красоте. Из-под кисти посредственного художника выходили нелепые «современные» карикатуры.

Погруженный в восхитительные мечты о всемирной религии, Эхнатон позволил империи распасться. Под влиянием эгоистичных жрецов Амона мальчик Тутанхамон возродил древние культы и осудил милосердное учение «еретика», но египетская империя в Сирии не возродилась. Сети и Рамсес II из следующей династии возместили часть потери, но войны с хеттами закончились тем, что Сирия оказалась разделенной между соперниками. Даже небольшая, пока еще сохранившаяся ее часть вскоре была утрачена, и Египет перестали считать одной из сильнейших держав. Все больше земель оказывалось в руках жрецов, которые в конечном итоге захватили царскую власть и сделали Египет страной, власть в которой принадлежала жреческой касте.

Новые народы снова появились на исторической арене. С севера Аравийской пустыни пришли арамейцы, которые расселились по всей границе от Ханаана до Вавилонии. Как правило, они продолжали говорить на арамейском языке, но их часть – евреи – выучили «язык Ханаана». Сначала евреи были разделены на многочисленные небольшие воюющие племена, но, по мере того как они завоевывали ханаанские города, они впитывали в себя что-то из утонченной ханаанской культуры, которая пережила их вторжения. Овладение материальной культурой было благотворным; не столь приятной была адаптация их ограниченной, варварской, но относительно простой религии жителей пустыни к вырождающемуся культу сил плодородия.

Напор новых народов в Центральной и Юго-Восточной Европе гнал новые орды арийцев. Дорийцы вытесняли на юг более древних, говоривших на индоевропейском языке, греков и разрушали далеко простиравшуюся Микенскую империю, которая возобновила с Египтом отношения времен Минойской империи. Последние остатки Минойской империи были уничтожены. Ахейцы были вытеснены на западное побережье Малой Азии, где они встретились с хеттами, а также фригийцами и арийцами, которые пересекли Геллеспонт (древнегреческое название пролива Дарданеллы. – *Пер.*) и выбрали для себя хорошо снабженную водой и покрытую лесами возвышенность на западе центральной части полуострова. Другие ахейцы добрались до Кипра и обнаружили, что половина острова уже заселена финикийцами. В последней отчаянной попытке Микены захватили фригийскую Трою, эпопея которой вдохновляла последующие поколения на новые завоевания в Азии; но это последнее усилие уничтожило империю. За ними пришли ионийцы и взяли себе в жены анатолийских женщин. Когда-то могущественная империя хеттов исчезла в хаосе крошечных государств.

Толпы бездомных людей, то ли минойцев, то ли арийцев, объединились, и эта волна прокатилась через море или через Сирию в Египет, где Мернептах и Рамсес III ослабили ее силу. Ахейцы возвратились на родину или уплыли на Кипр, а сицилийцы и сардинцы перенесли свои названия на западные острова. Этруски принесли первобытным итальянцам богатую восточную культуру, которой суждено было оказать сильное влияние на Рим, а филистимляне заселили Палестину, которой и дали свое название.

Зажатые между захватчиками с моря и из пустыни, ханаанцы утратили свободу. На тот момент филистимляне были всемогущи; тогда чужеземное давление и пророческие предсказания привели к союзу еврейских племен. Царство Саула было неудачным, но Давид сколотил хороший союз, а Соломон превратил его в небольшую империю, управление которой было скопировано с более крупных империй и царская гробница которой также была чужеземной. Его смерть разделила страну на Израиль и Иудею. Израиль был больше, и часто Иудея становилась его вассалом, а в это время Иерусалим и его храм лежали в руинах.

Сидонские купцы проникли на Эгейское море и стали обмениваться товарами и словами с отсталыми греками. Они также привезли с собой и более дорогой подарок: алфавит, который усовершенствовали греки. Так как в заимствованном алфавите не было символов для обозначения гласных, греки использовали некоторые значки согласных, которые обозначали звуки, отсутствовавшие в их языке, для написания важных индоевропейских гласных. В свою очередь, этот алфавит появился в Малой Азии; греческий алфавит был без проблем принят индоевропейцами-фригийцами, но лидийцы, ликийцы и карийцы сочли необходимым придумать новые символы для звуков местной речи. Когда греки возвратили себе власть на море, финикийцы покинули Эгейское море, и началась борьба за Средиземное море, которая закончилась установлением власти финикийцев над Северной Африкой и Испанией.

На протяжении долгих веков Ассирия оставалась второстепенным государством, часто подчиненным Вавилонии или Митанни. Во время всеобщего упадка к концу 2-го тысячелетия до н. э. Ассирия расширила свои границы. После двух периодов слабости и неустойчивости – второй из них позволил евреям образовать царство Давида – теперь это была великая мировая империя. Вавилония стала явным вассалом, была захвачена Сирия, и израильский царь Иегу был вынужден покориться. В войнах с более значительными государствами некоторые карательные экспедиции против Парсуа и мидийцев прошли почти незамеченными.

Несколько лет Ассирию сдерживала Халдея, которая на короткое время стала великой мировой державой. Эта отсрочка дала великолепную возможность развиваться еврейской религии. По своей сути, это был протест жителей пустыни против цивилизации. Проповеди Илии и Элиши завершились кровавыми реформами Иегу, после чего в Израиле стали признавать лишь одного бога – Яхве. Методы реформирования и его отвратительные результаты не могли удовлетворить более утонченные натуры, и группа пророков выразила протест против хана-

анских элементов в культе; с таким же жаром они протестовали против социальной несправедливости. Амос в своих проповедях говорил о суровой судьбе, Осия провозглашал доброту любящего Яхве, но Исая вновь предсказывал крах – что на самом деле и исполнилось для Израиля. Вторжение Синахериба открыло глаза Исаяе, который с этого времени стал провозглашать неприкосновенность Иерусалимского храма Яхве. Однако Иудея осталась зависимой от Ассирии.

Возвышение Ассирии стало вехой новой эры в управлении зависимыми территориями. Предшественники довольствовались вассальными государствами, которыми управлял в лучшем случае «наместник» с несколькими солдатами. Ассирия превратила завоеванные территории в провинции, с правителями которых центральное правительство поддерживало тесную связь посредством писем. Мятежников отправляли в далекие регионы, где их будущее благополучие зависело от верности их новым хозяевам; провинциалов объединяла вера в национального бога Ашшура и царя божественного происхождения.

И хотя в ее основе лежала вавилонская культура, культура Ассирии была весьма эклектична по своему характеру. В больших городах – столицах или городах, свободных по привилегии, – можно было увидеть разнообразную и сложную жизнь. Финикийцы и арамейцы повсюду пользовались торговыми возможностями большой империи, а «головы Иштар» (кусочки серебра в полшекеля. – *Пер.*) использовали в качестве монет. Царские библиотеки были забиты копиями древних вавилонских табличек, но царские летописи были плодом трудов ассирийских историков. Наряду с клинописью стали использовать арамейский язык с его более удобным алфавитом. На научный прогресс указывают учебник по гончарно-полировочному делу, письма от астрономов, которые ожидали лунные затмения при полной луне и солнечные затмения на новой луне, девятнадцатилетний цикл из вставленных в календарь месяцев, который, возможно, появился в эпоху Набунасира. На ассирийских барельефах очень ярко показаны сцены сражений, дворцовой жизни и охоты, а их изображения животных были почти непревзойденными.

Вавилон восстал под властью халдеев, и Ассирия пала под натиском халдейско-мидийского альянса. Теперь в мире было четыре великих мировых державы. У Египта началась новая жизнь под властью саисян, которые правили при помощи греческих и карийских наемников и позволяли грекам жить своей жизнью в их собственном городе Навкрате. Преемница Фригии Лидия, обладавшая золотыми россыпями реки Пактол, ослабила греческие прибрежные города. Слияние морской и сухопутной торговли было взаимовыгодно, и с богатствами, полученными таким образом из Египта и с Черного моря, ионийцы заложили основу первой великолепной, процветающей греческой цивилизации. Набопаласар воссоздал вавилонскую систему управления и торговли настолько, что его реформы действовали в стране до тех пор, пока в ходу была клинопись. Вавилон был отстроен заново Навуходоносором и стал столицей мира. Иерусалим был разрушен, а мятежники были отправлены в ссылку, как предсказывали Иеремия и Иезекииль; возник иудаизм.

До сих пор происходило много изменений в династии, сменялись главенствующие народы, но на протяжении всего времени наблюдалось явное взаимодействие культур, а культурная революция шла во многом по одной и той же схеме в каждой части Ближнего Востока. Если Восток неоднократно подвергался вторжению извне, он всегда оставлял печать своих особенностей на вновь прибывших. Для современников Иранская Мидия могла быть лишь четвертой великой восточной империей, а любознательные греки, подобно их предшественникам минойцам и микенцам, могут показаться просто людьми, изучавшими древние восточные культуры. Но ход событий вскоре должен был доказать, что с появлением на исторической сцене иранцев и греков Ближний Восток вступил на современный этап своей истории.

Глава 2

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИРАНА

Иран в доисторические времена

Задолго до того, как огромное плато было названо Иранским, оно было густо заселено. Под наносными отложениями прошлого ледникового периода были найдены обсидиановые пластины, а люди позднего каменного века оставили свои грубые кремневые орудия труда под открытым небом. К 5-му тысячелетию до Рождества Христова многочисленные крошечные деревушки были прибежищем мирных землепашцев и скотоводов, которые удовлетворяли свои эстетические чувства, изготавливая на гончарном круге горшки тонкой работы, украшенные превосходными орнаментами; искусные и яркие, хоть и условные, изображения местных растений и животных выдавали больше интереса к красоте рисунка, нежели к точному воспроизведению оригинала и стали образцом для всего последующего искусства на этом нагорье. Сгоревшие поселения и изменения в стиле керамики указывают на смены населения. Только Элам на западе предоставляет нам письменные документы, а значит, историю, хотя таблички из центрального района нагорья с эламитским пиктографическим письмом наводят на мысль о том, что там говорили на том же языке, что и в Сузах – столице Элама.

Чтобы получить больше информации об этих древних народах, мы обращаемся к Видевдату, Антидьвовольскому закону. И хотя, как явствует из Авесты, он был написан незадолго до нашей эры, он все еще сохраняет важнейшие черты этой доисторической культуры. На первый взгляд это славный мир, в котором мы видим богатого хозяина дома, имеющего скот, корм для скота, охотничью собаку, жену, ребенка, очаг, молоко и все, что есть в мире хорошего, – зерно, траву и деревья с разнообразными фруктами. Пустоши поливали с помощью подземных оросительных каналов *qanat*, в результате чего увеличилось поголовье птицы и скота и появилось много натуральных удобрений. Но чтобы получить эти блага, требовался тяжелый труд: нужно было посеять семена и саженцы, с напряжением сил построить подземные оросительные каналы. Это был мир, в котором не было места ленивым.

Мы узнаем о том, что в качестве одежды использовали шкуры животных или тканое полотно, что палатки вроде тех, какие сейчас еще можно найти в Центральной Азии, делали из войлока, а дома вроде тех, от которых остались кучи пепла на Урумийской равнине, – из дерева. Мы могли бы восхищенно говорить о высоком положении собаки, которая в других странах Востока занимала жалкое положение, но на этом нагорье с ней обращались как с уважаемым членом семьи, имеющим определенные обязанности и получающим соответствующее вознаграждение. Мы могли бы порадоваться с крестьянами, когда заканчивалась долгая снежная зима, и начинали летать птицы, появляться растения, с гор начинали течь ручьи, а ветры – высушивать землю, но мы совершенно неправильно поняли бы их настроение.

Древние религии

Жители нагорья относились к своей собственной подгруппе средиземноморской расы. С точки зрения культуры они были ближе к народам Центральной Азии, особенно по своему религиозному мышлению. Греческие авторы рассказывают нам кое-что о культуре первобытных народов, которые дожили до их времен, населяя южное побережье Черного моря. По способу избавления от мертвых, в частности, они представляют собой необычную аналогию с практикой применения Антидьавольского закона.

Например, у дербиков был принят обычай, согласно которому мужчин старше семидесяти лет убивали и съедали их родичи, а старух душили и хоронили; мужчин, которым не повезло и они умерли раньше семидесяти лет, просто хоронили. У каспийцев, которые дали название морю, раньше называвшееся Гирканским, было принято людей старше семидесяти лет морить голодом. Тела клали в пустынном месте и наблюдали. Если с похоронных носилок тело уносили стервятники, то считалось, что умершему очень повезло, и меньше – если его утаскивали дикие звери или собаки. Но верхом несчастья было, если тела оставались лежать нетронутыми. В Бактрии, что расположена дальше на восток, такие же отвратительные обычаи сохранялись до вторжения Александра Македонского. Больных и старых, пока они были еще живы, бросали ожидающим собакам, которых на том языке называли «похоронной командой». Груды костей в пределах городских стен свидетельствовали о таких же жестоких погребальных обычаях. Чтобы понять причину возникновения таких обычаев, изложенных во всех внушающих ужас мелочах в Антидьавольском законе, мы должны прочесть еще более обширную литературу по магии шумеров, появившихся в Вавилонии из Центральной Азии, или современные рассказы о шаманизме, которые до сих пор находят в тех же регионах.

Для мышления магов в его самой ранней форме не существовало истинных богов, была лишь бесчисленная орда демонов, которые постоянно угрожали жизни несчастных крестьян и злобным нападениям которых можно было помешать лишь с помощью отвращающих ритуалов. Они обитали на севере, откуда людям грозили и другие враги. После завоевания Ирана иранцами мы не удивляемся, увидев арийского бога бури Индру среди этих демонов. Как и в Вавилонии, большинство демонов были безымянными: «Умри, демон! Умри, дьявольское племя! Умри, дьявольское создание! Умри, дьявольское отродье! Умри на севере!» Другие олицетворяют различные виды болезней. «Я проклиная тебя, хворь; я проклиная тебя, смерть; я проклиная тебя, лихорадка; я проклиная тебя, дурной глаз» – и так далее еще долго. Многих демонов можно прогнать, если верующий знает их имена; из них самым опасным был Эшма, «пьянство». Один демон препятствует выпадению дождя; есть демоны, которые завладевают беспечно брошенными остриженными волосами и ногтями человека, и из них возникают насекомые, которые пожирают зерно и одежду.

Самым главным демоном был Ангра-Майнью (в некоторых источниках встречается как Ахриман. – *Пер.*), злой дух без какой-либо особой специализации, создатель всего пагубного и вредоносных животных. По этой причине у магов считалось большой заслугой убивать земных представителей этих злых духов – муравьев, змей, всяких ползучих гадов, лягушек и птиц, – засыпать их норы и уничтожать их логова. Именно благодаря заклинаниям магов, подкрепленным специальными ароматами и магическими бороздами, человек освобождался от своих недугов и очищался.

Но какими бы могущественными ни были злой дух и орды его демонов, в повседневной жизни люди больше всего боялись дружда Насу, «трупного демона», к которому относится большая часть Антидьавольского закона. Захоронение или кремацию умершего могли осуществлять как соседи, так и враги, но такой легкий способ избавления от тела был не для магов. Несмотря на все предосторожности, было неизбежно, что «трупный демон» найдет на живых

порчу, инфекцию и скверну. С того самого мгновения, когда тело оставалось лежать бездыханным, оно становилось нечистым, потому что над ним парил «трупный демон» с целью причинить вред живым людям. Только путем самого строгого соблюдения предписанного обряда можно было оставаться в безопасности: мертвец не должен загрязнить святую землю или воду; тела следовало оставлять на высоких вершинах, тщательно привязав их за ноги и волосы, где их могли бы сожрать собаки и стервятники. И только тогда, когда кости таким образом освобождались от мертвой и поэтому опасной плоти, их можно было собрать в кремационную урну *astodan* с отверстиями, которые позволили бы умершему человеку смотреть на солнце. Этот запах склепа пронизывает всю литературу зороастризма более позднего периода и вместе с полчищем злобных духов производит гнетущее впечатление на читателя¹.

¹ Геродот утверждает, что в его время у магов все еще было принято выставлять тела умерших на растерзание птицам и собакам. Недавно доктором Эрихом Шмидтом в Луристане был откопан храм, возможно, магов, относящийся к первой половине 1-го тысячелетия до н. э., в котором на полу, подоконниках и стенах нашли много небольших статуэток и других культовых предметов.

Влияние географических особенностей

Большинство арийцев покинули свои дома на юге России ради равнин Центральной Азии, там остались только близкородственные иранцам скифы и немногие истинные арийцы. Гирканийцы поселились на северных склонах горного массива Альборц и на прибрежной равнине у его подножия, к югу от моря, которому они дали название. Эта равнина, расположенная слегка ниже уровня моря и ежегодно заливаемая ливневыми дождями на высоту до полутора метров, находилась в субтропическом поясе, но густые леса на склонах гор давали приют охотящимся львам и тиграм. Другие иранцы поднялись на нагорье, окруженное со всех сторон горами. На западе возвышались горы Загрос, на севере – Альборц. На востоке плато неуклонно поднималось к крыше мира в Гималаях, в то время как более низкая горная цепь отделяла его от южного океана. Внутри этого кольца более мелкие горные хребты делили его на части, которые отличались лишь сочетанием в них обычных элементов – гор, пустынь и плодородных земель.

В центре были расположены большие, трудные для преодоления пустыни, покрытые отчасти солеными озерами, отчасти коричневатой-красной, пропитанной солью почвой. Такими же бесплодными были и горы, обычно лишённые деревьев или даже кустов. Между горами и пустыней была хорошая земля, нуждавшаяся только в воде – но вода была редким и драгоценным сокровищем. Если горы защищали от потенциальных врагов, они также преграждали путь дождям; лишь через такие перевалы, как перевал между Рештом (город в Иране, административный центр провинции Гилян. – *Пер.*) и Казвином (город на севере Ирана. – *Пер.*), могли проникнуть немногие облака. Здесь количество осадков могло достигнуть двадцати сантиметров; в других местах, таких как Исфаган, – десяти сантиметров или того меньше. Нигде этих осадков не было достаточно, чтобы вызрел урожай, но, к счастью, с гор текли тающие снега.

В течение большей части года солнце нещадно палило с безоблачного неба. К сентябрю воздух немного охлаждался, к ноябрю ночи становились неприятно холодными. За осенними дождями приходили туманы и снега и, наконец, яростные снежные бури; они спускались с гор все ниже и ниже, пока не достигали равнины. Полуденное солнце – когда оно было видно – оставалось жарким и согревало страдальцев, замерзших ночью. К январю перевалы становились непроходимыми, и деревни, спрятанные в снегах, оказывались в зимней изоляции. Весной снега таяли почти без предупреждения. Вода от растаявшего снега стекала вниз по голым склонам, размывая тропинки и снова изолируя жителей деревни от окружающего мира. Руслу рек заполнялись ревущими потоками, каждую драгоценную каплю которых использовали в ирригационных канавах до тех пор, пока русла рек не высыхали. После этого воду искали в кажущихся обезвоженными горах; чтобы драгоценная влага не пропала, испарившись, ее необходимо было спрятать под землю в *qanats*. Таким образом ценой колоссальных затрат времени и труда для обработки у бывшей пустыни отвоевывали еще несколько квадратных метров земли.

Эти непрекращающиеся поиски воды оставили неизгладимый отпечаток на мышлении персов. В священной Авесте, поющей гимн Анахите, богине тысячи ручьев, и более поздней поэзии, воспевающей радость бегущего ручья и цветущего сада, эта тема постоянно повторяется. Для чужеземцев из более счастливых краев реки могут казаться незначительными, ряды тополей, кипарисов и платанов – редкими, садовый «рай» – чахлым. Чтобы сделать их прекрасными, необходим контраст с пустыней, голой равниной и заснеженными вершинами гор.

Завоевание ордами народов с севера

Археология обнаруживает первый след северянина, когда изящная, раскрашенная керамика самых древних обитателей нагорья вытесняется более добротной керамикой похоронно-черного цвета. Судя по черепам, это были племена с севера. Все новые их орды продолжали проникать на нагорье. Огромная укрепленная постройка возводится в Дамгхане (город в Северной Персии. – *Пер.*); она подвергается нападению и сдается. Тела мужчин, которые защищали крепость, вместе с телами их жен и детей были найдены при раскопках на том месте, где они погибли.

Эпизоды завоевания Ирана, смешанные с арийской мифологией, находят в самых древних частях Яшт (древнейшая книга Авесты, собрания священных текстов зороастрийцев. – *Пер.*) там можно прочесть первую версию персидской традиционной истории, более известной на Западе благодаря великолепной поэме Шахнамэ, или Книге царей, написанной великим поэтом Фирдоуси.

История начинается с Гайа Мартана (Гайомарта), «смертного человека», который был предком народа арийцев. Затем идет Хаошьяха (Хошенг), первый царь династии Парадата (Пишдадидов), который с горы под названием Хара, расположенной на востоке, победил демонов Мазаны и злодеев из Варены. Обычно это считают воспоминаниями о покорении племен Варканы или Гиркании (позднее – Мазендеран), поклонявшихся духам. Как бы то ни было, мы знаем, что столица Гиркании Задракarta во времена иранцев, вероятно, располагалась на холме, частичные раскопки которого показали повторные поселения иранцев на этих местах еще более древнего периода.

За Хаошьяхой шел Йима, добрый пастух, сын Вивахванта, который первым выжал священный сок *haoma*. Во время правления Йимы не было ни холода, ни жары, ни старости, ни смерти, так как он принес людям бессмертие. Он также освободил людей от голода и жажды; он учил животных, что они должны есть, и не давал растениям засохнуть. Но хоть он и жил на священной горе Хукайрья рядом с морем Воуру-каша, иранским раем, он согрешил – позднее Зороастр провозгласил, что его грех состоял в том, что он научил людей есть мясо крупного рогатого скота, – и сам Йима был распилен на части своим злым братом Спитьюрой. Однако другому брату Йимы по имени Такхма Урупа удалось в течение тридцати лет ездить по земле верхом на злом духе Ангра-Майнью, который принял облик коня.

В это время трехголовый, с тремя пастями и шестью глазами дракон Ази Дахака, обладавший тысячью чувств, унес двух прекрасных дочерей Йимы и сделал их своими женами. Дракон был убит, а женщины спасены Фратаоной (Феридуном) сыном Атхвья из Варены, которая теперь уже была арийской. Второй подвиг героя Фратаоны состоял в том, что он запустил в воздух мудрого моряка Паурву в облике коршуна.

Кересаспа, сын Самы, был героем, который отомстил за смерть своего брата Урвакхшайи, судьи и законодателя, убив его убийцу Хитаспу и увезя с собой в его собственной колеснице его труп. Ему также приписывалось убийство различных врагов, как людей, так и чудовищ, вроде Гандарвы с золотыми пятками, который жил в море Воуру-каша, и ядовитого желтого морского змея, на широкой спине которого Кересаспа случайно приготовил себе обед. У Хитаспы хорошее иранское имя; возможно, он был кочевником из враждебного племени, туранцем.

Следующий из упомянутых врагов тоже туранец – Франграсьян (Афрасьяб), который переплыл море Воуру-каша в тщетной попытке украсть Ореол царского величия, который давал верховную власть. Схваченный и связанный верным вассалом, он был привезен на казнь и был убит Кави Хаосравом (Кей-Хосровом).

Так кависы, местные царьки, входят в историю, передаваемую из поколения в поколение. Из восьми членов династии, вошедших в список, мы узнаем больше лишь об основателе Кави

Кавате (Кей-Кобад), о его сыне Кави Усане (Кей-Каус), владельце жеребцов и верблюдов, державшем под своим контролем мореходство, и о Кави Хаосраве (Кей-Хосров), который прибыл с соленого моря Чечасты (озеро Урумия), подчинил себе арийские земли и стал великим героем.

Мидийцы и персы в далекой древности

Мидийцев и персов впервые обнаружили в письменных анналах, когда в 836 г. до н. э. ассирийский царь Салманесер III получил дань от царей Парсуа, что к западу от озера Урумия, и достиг страны Мадай, которая лежала к юго-востоку от его вод. С того момента упоминания об этих двух народах встречаются часто. К 820 г. до н. э. Шамшиадад V нашел их в краях, которые теперь называются Парсуаш, далеко к югу за современным Кирманшахом. В 737 г. до н. э. Тиглатпаласар III вторгся в Парсуа и получил дань с вождей мидийцев, с территории, расположенной на восток до горы Бикни, «лазурной горы», как он называл величественный Демавенд (потухший вулкан на хребте Эльбрус, высота 5604 м. – *Пер.*) из-за синевы ее заснеженной вершины.

Эти две группы иранцев были еще в движении. В каждой горной долине жило племя, которым с высокой зубчатой башни правил «царь», время от времени плативший дань Ассирии – когда набег ассирийцев вынуждал его к этому. Части страны мидийцев составляли провинцию, хотя ее границы были непостоянными и всегда неэффективно организованными. Подвергаясь набегам, другие мидийцы и все персы сохраняли свою полную независимость.

На протяжении всей своей древней истории иранцы были главным образом пастухами, хотя и земледелием они не пренебрегали. Почти в современных им произведениях зороастризма народ поделен на четыре части: семейную (*demana*), родовую (*vis*), районную (*shoithra*) и земельную (*dahyu*). В соответствии с положением в обществе есть трехчастное деление: *khvaetu*, *verezena* и *airyaman*. Только последние представляли правящий класс, который подразделялся на жрецов (*athravan*), знатных людей, управляющих колесницами (*rathaeshhtar*), скотоводов (*vastrya fshuyant*) и ремесленников (*huiti*). Очевидно, низшие классы признавались особой расой, так как название их касты было «цветные» (*pishtra*).

Один из местных мидийских царьков по имени Дайаукку был взят в плен и отправлен в Сирию в 715 г. до н. э. Он из тех Дейоков, которого предание сделало основателем Мидийской империи! Согласно преданию, следующим правителем был Киаксар I; он тот самый представитель династии Уаксатар, который в 714 г. до н. э. заплатил Саргону дань; во времена Синахериба в 702 г. до н. э. он сам напал на ассирийскую провинцию Хархар. Военные отряды из Парсуаша и Анзана противостояли Синахерибу в Халулине в 681 г. до н. э. Очевидно, их вождем был тот самый Ахемен (Хакхаманиш), которого более поздние монархи провозгласили своим предком, давшим свое имя всей династии Ахеменидов. Его сын Теиспес (Чишпиш) был «великим царем, царем города Аншана» – так теперь называли древний Анзан, по-прежнему расположенный к северо-западу от города Сузы на реке Керхе, но теперь уже завоеванный эламитами. Очевидно, персы были еще в пути на юг.

У Теиспеса родились два сына – Ариарамн (Арийарамна) и Кир (Кураш) I. Золотая табличка первого сына показывает, что по-персидски уже писали клинописью; если она пришла сюда из Ассирии или Элама, то в тексте не было прямого подражания. Впервые при использовании клинописи каждое слово отделялось от другого косой черточкой. Идеограммы, обозначающие царя, землю, бога и главного бога Ахурамазду, были начертаны способом (но отличались по форме), характерным для письма соседей. Оставшиеся значки образовали грубый алфавит. Три символа для *a*, *i* и *u* не охватывали всего богатства иранских гласных. Были представлены двадцать два слога, в которых гласной *a* предшествовал согласный звук; в четырех символах гласная *i* следовала за согласным, в семи значках – это была гласная *u*. Когда случалось, что эти гласные не произносились, символ обозначал просто согласный звук.

Религия иранцев

Простая религия иранцев, доставшаяся им от арийцев, пока еще оставалась простым поклонением дэвам или истинным богам. Во главе их пантеона стояло небо, имя которого – Диаус – было родственным греческому Зевсу; чаще он был «богом» – Ахура или «мудрецом» – Мазда. Со временем эти проявления высшей силы объединились в Ахурамазду – «мудрого бога». «И говорит царь Ариарамн: «Эту страну под названием Парса, которой я правлю и в которой есть добрые кони и люди, даровал мне великий бог Ахурамазда. По милости Ахурамазды я царь этой страны. Да поможет мне Ахурамазда!» Так предписывалось говорить царям, вступающим на престол.

Вторым после необъятного неба был Митра, которому поклонялись уже давно иранцы в стране Митанни и другие арийцы в Индии. Подобно всем иранским «язатас» (божества – помощники Ахурамазды. – *Пер.*), это был бог воздуха. В одном из своих многочисленных проявлений он был самым солнцем, в современной пословице – «другом бедняка», столь долгожданным после холодных зимних ночей и столь ужасным летом, когда выгорала вся растительность. Другие источники связывают его с ночным небом. Опять-таки он был первым из богов, Зарей, которая занималась над горой Харой, горами Альборц перед появлением на быстрых конях неумирающего солнца. Поэтому он первый взбирался на прекрасные золотые вершины, с которых смотрел вниз на все могучие арийские государства, обязанные ему своей мирной и благополучной жизнью.

Этими арийскими странами правил Митра как владыка широких пастбищ. Именно он защищал опоры дома и делал прочными дверные косяки. Дому, которым он был доволен, он дарил стада скота и детей мужского пола, прекрасных женщин и колесницы. Для своего народа он был богом справедливости, и, когда его имя использовали в качестве простого имени существительного, оно было синонимом слова «договор», исполнение которого он должен был защищать. Его нельзя было обмануть, потому что его тысяча ушей и глаз неустанно следили за нарушителем договора. Бедняк, лишенный прав, молился ему, воздевая руки к небу. Был ли его вопль криком или шепотом, но он облетал всю землю и поднимался к небесам, где достигал ушей Митры, который быстро посылал возмездие обидчику, например проказу. Для поклонения ему не нужен был жрец; хозяин дома обращался к Митре, предлагая напиток *haoma* (галлюциногенный напиток из растения эфедра. – *Пер.*), «предотвращающий смерть». Частью обрядов, посвященных Митре, было ночное жертвоприношение быка, так как Митра мог быть для своих творений как злым, так и добрым.

Подобные жертвоприношения животных продолжались во время правления Ахеменидов. В канун Нового года в его честь приносили в жертву несейских коней, которые олицетворяли священных белых коней его солнечной колесницы. Раз в год, во время праздника Митры, правитель Ахеменидской династии должен был напиться пьянящим напитком *haoma* и станцевать «персидский танец» – пережиток военного танца первобытных времен.

Но именно как бога войны Митру наиболее энергично и ярко призывали все еще дикие арийцы. Силой они захватили нагорье, и с помощью силы им приходилось защищать его от аборигенов. Гимн, посвященный Митре, рисует мирных пастухов под огнем множества стрел с орлиным оперением, выпущенных из тугих луков, острых дротиков на длинных древках, и камней, пущенных из пращей, и под ударами кинжалов и палиц средиземноморского типа. Еще более опасными были заклинания, насланные на них последователями магов. Мы видим пронзенные тела, сломанные кости, разоренные деревни и скот, медленно бредущий рядом с колесницей победителя в плен, в узкие ущелья, населенные врагами Митры. Гимн продолжается, и владыки страны призывают Митру, когда они готовы пойти войной на кровожадного врага, собравшись на бой на границе между двумя противоборствующими странами. Всадники вер-

хом на лошадях молятся Митре, а возницы просят силы для своих упряжек, так как, подобно всем знатым арийцам, они по-прежнему сражаются на своих колесницах. В своей резиденции на вершине сияющей Харайти, горы с множеством ущелий, Митра слышит их вопль о помощи. Когда злодей приближается, он идет быстрыми шагами и запрягает четырех великолепных коней в свою золотую солнечную колесницу. Эти кони все одинаковой белой масти, подкованные золотыми и серебряными подковами; они бессмертны, потому что пьют амброзию. Против оружия демонопоклонников Митра прикрепил по обеим сторонам своей колесницы тысячу добротных луков, тысячу стрел с золотыми наконечниками, оперение которых из перьев стервятников и осквернит, и пронзит врагов, тысячу острых копий, тысячу обоюдоострых стальных боевых топоров, тысячу обоюдоострых мечей, тысячу железных булав для метания и огромную палицу, отлитую из желтого металла, с сотней шишек и сотней лезвий. По собственному желанию все эти орудия убийства летят вниз, на головы демонов и их приспешников. Стоя во весь рост в колеснице, размахивая кнутом и палицей, Митра, защищенный серебряным шлемом и золотой кирасой, бросается сверху вниз на врага и своей силой, превосходящей силу соперников, отражает удары и проклятия лжецов, направленные на его величество. Он не один. Справа от него находится Сраоша («послушание» феодальным сборам), прекрасный, могучий, вооруженный еще одной мощной палицей. Слева от него – высокий, сильный Рашну, «вернейший из верных», бог суровых испытаний. Вокруг него – воды, растения и фравашы – души умерших предков. Перед ним бежит бог победы Веретрагхна в образе острозубого вепря с железными ногами; в сопровождении богини храбрости он мчится за спасающимися бегством врагами с мокрой мордой до тех пор, пока не схватит за хребет – стержень жизни и источник жизненных сил, пока не разорвет на куски и не смешает с землей плоть, кости, волосы, мозги и кровь тех, кто лгал Митре.

Но у Веретрагхны были и другие воплощения: он был Ветром (Вата или Вайю), золоторогим Быком, золотоухим Конем, Верблюдом, Вороном, диким Бараном, Оленем или он мог появиться в облике молодого или зрелого мужчины. Он не только давал арийцам победу и защищал священную Душу Быка; вдобавок он давал мужчинам зрелость и здоровье. И хотя иногда оно узурпировалось Митрой, Веретрагхне принадлежало право даровать или отнимать Ореол царского величия (Кхварена), когда он появлялся в образе Ветра или Быка. Этой идее суждено было главенствовать над политическим мышлением в более поздней политической теории.

У поклонявшихся силам природы арийцев были и другие боги, о которых мы иногда получаем мимолетное впечатление. Среди самых почитаемых был Тиштрия, олицетворявший блестящую белую звезду Сириус, владыка и надзиратель за всеми звездами, которые так ярко светили в прозрачном воздухе нагорья. Когда год подходил к концу, все ожидали его восхода, начиная от людского старейшины и кончая дикими животными в горах и на равнине; все они задавались вопросом: «Принесет ли он арийцам хороший год?» Он задерживался, и, разочарованные, они вопрошали: «Когда взойдет яркий славный Тиштрия? Когда снова с гор потекут ручьи?» И появлялся Тиштрия. Он тоже спрашивал: «Будет ли на арийских землях хороший год?» – потому что предстояло столкнуться с трудностями. «Семь звезд» должны были оставаться на страже от северных магов, которые пытались помешать движению Тиштрии, сбрасывая вниз враждебные падающие звезды. Ванант, глава звездных воинств на юге, должен был защищать его от нужды и враждебных действий. На протяжении десяти ночей Тиштрия появлялся в виде прекрасного пятнадцатилетнего юноши и даровал людям детей мужского пола. В течение последующих десяти ночей он был подобен золоторогому быку, и поголовье скота увеличивалось. Затем на десять ночей он принимал образ белого коня с золотыми ушами. Он спускался к морю Воуру-каша, куда против него выходил черный конь Апаоша, воплощение Засухи. Три дня и три ночи бились они, и Тиштрия был побежден. Затем, обновленный благодаря жертвоприношениям верующих в него людей, Тиштрия снова вступил в бой, и к полудню

первого дня Засуха вынуждена была спастись бегством. Тогда море начало кипеть, и туманы скрыли середину острова; они образовали облака, которые Ветер отнес на юг. Апам Напат, «сын вод» и покровитель женщин – рожденная из облака Молния раздавал разным районам Земли дарующую здоровье воду. Если арийские народы вовремя делали в честь Тиштрии возлияния и приносили в жертву скотину одного цвета, то никогда на земле арийцев не случилось моров или болезней, и никогда вражеская армия на колесницах с высоко поднятыми знаменами не ступала на нее.

Во времена Ахеменидов некоторые из этих функций узурпировала древняя богиня природы Анахита, которая со своих горных вершин лила воду, преобразовавшую пустыню в поля и сады. Так как она была чиста, то такими должны быть ее реки, которые нельзя было загрязнять даже мытьем рук. Другие сохранившиеся божества воды стали женами Ахуры.

Признавали и других богов природы. Прибывающая яркая Луна (Мах) заставляла зеленые растения прорастать из Земли, которая сама была могущественным божеством. В ней Луна хранила семена Быка, но почиталась также и Корова. Ветер Вайю, летящий с гор, чтобы освежить равнины летом, но ледяной в зимние вьюги, был почитаем в равной степени. Огонь Атар, который относил жертвоприношения богам, сам был одним из главных богов – везде можно было увидеть огненные алтари для поклонения ему; он был достоин всех почестей, потому что в нем отчаянно нуждались зимой, когда топлива было мало и оно было дорогое. Священный пьянящий напиток *haoma*, который «отгоняет смерть», всегда играл большую роль в обрядах арийцев. Возлияния и гимны умиротворяли богов потустороннего мира.

За исключением священного огня, иранцы не нуждались в алтарях и храмах. Кроме того, их разум мог постигать божественные сущности независимо от каких-либо символов вроде статуй. Жертвоприношения Ахуре делали на голых горных вершинах, красивых только тогда, когда они были покрыты снегом, – близко к обычно безоблачному небу. В венке из мирта на голове человек, который должен был осуществлять жертвоприношение, приводил скотину на чистое открытое место, согласно обычаю, где он называл бога по имени, резал жертву и варил мясо. Куски мяса выкладывались горкой на коврик из нежнейших трав, предпочтительно из люцерны, затем жрец-маг исполнял гимн, в котором рассказывалось предание о происхождении богов. После этого жертвоприносите́ль уносил мясо и мог делать с ним все, что захочет. Так об этом рассказывал современник тех времен Геродот.

Названы имена жрецов – Карапан и Усидж, – которые читали мантры, но все больше и больше обрядовая практика оказывалась в руках магов – обычная победа более древней касты жрецов над захватчиками. На тот момент маги оставались отдельным племенем мидийцев, отличным от арийской знати. Их пагубное воздействие на благородное арийское язычество было в далеком будущем.

Мидийская империя

Новые орды народов из Центральной Азии, киммерийцев и скифов, последовали за своими иранскими братьями на это нагорье и оставили в Луристане (историческая область на западе Ирана. – *Пер.*) конскую сбрую, ножи и наконечники для булавы. Ассирийская кавалерия в поисках новых лошадей добралась до страны Патушарри на краю центральной соленой пустыни и увезла с собой городских правителей по имени Шидирпарна и Эпарна; в первом мы узнаем Читрафарну или Тиссаферна (тесть и советник Артаксеркса II, сатрап Лидии (V в. до н. э.). – *Пер.*).

Большую роль сыграл Хшатрита, которого также звали Фравартиш или Фраорт, который, согласно Геродоту, правил Мидией пятьдесят три года – на самом деле приблизительно с 675 по 653 г. до н. э. Он начал свою карьеру в качестве деревенского старшины в Кар-каши, но после нападения на различные ассирийские поселения он в конечном счете организовал анти-ассирийскую коалицию мидийцев и киммерийцев.

Ариарамн, сын Теиспеса, рассказывает нам, что Ахурамазда отдал ему Парсу, много коней и людей; он описывает завоевание своей будущей родины Персии, известной грекам как Персис, а нам – как современный Фарс. Своему брату Киру он позволяет носить только титул их отца – «великий царь города Аншана»; сам он, как более главный, – «великий царь, царь царей, царь Парсы». Но его главенствующее положение было недолгим, так как в страну пришли мидийцы, и персы стали вассалами Мидии. Золотая табличка Ариарамна была, вероятно, помещена в качестве трофея в столице, которая называлась уже Хангматана (Экбатана).

Этот город располагался на последних склонах к востоку от горы Аурвант (Оронт) – гранитной вершины, которая возвышается более чем на три с половиной тысячи метров над уровнем моря и является частью почти непроходимого горного хребта, протянувшегося с севера на юг и расчлененного только высокогорным перевалом, ведущим к вавилонским наносным землям. Летом здесь климат приятный, так как Экбатана расположена на высоте две тысячи метров над уровнем моря. Гора Аурвант закрывает послеполуденное солнце и спускает вниз свои тающие снега в виде множества небольших ручейков, торопящихся оросить чудесные плодовые и цветочные сады, расположенные ниже города, и плодородные поля зерновых на широких равнинах за его пределами. Еще дальше, в более диких краях можно было пасти огромные стада овец, коз и знаменитых несейских лошадей. Зимой здесь воют метели, когда температура падает ниже –20 градусов. Снег на земле имеет глубину до одного метра, и он заполняет перевалы глубиной шесть метров. Связь с внешним миром со всех сторон прерывается. Но Хангматана возвышалась над одной довольно удобной дорогой, которая вела с запада на восток, о важности которой свидетельствовало процветание преемников этого города – Экбатаны и Хамадана.

Из Хангматаны большая дорога тянулась на северо-восток к Казвину, а затем на восток к городу Раге, который дал название второй Мидии. Тегеран, столица современного Ирана, является настоящим преемником Раги, хотя его древнее местоположение находится южнее, где греки называли его Рагес, а в Средние века – Рай. Рага, в свою очередь, была преемницей доисторического поселения, расположенного под прикрытием отдельно стоящего скального гребня, протянувшегося с запада на восток. Защиту от холодных северных зимних ветров давала высокая горная цепь Альборц, также протянувшаяся с запада на восток; она частенько достигала три тысячи метров в высоту и к востоку от Раги завершалась горой Демавенд высотой шесть тысяч метров. Альборц также преграждала путь ветрам, несущим дожди с севера, но в качестве компенсации с нее по оврагам стекали тающие снега, которые достигали соленых пустынь по гравийным полосам. Курганы вдоль краев равнины свидетельствуют о доисторическом и более позднем ее заселении.

Рага, подобно Экбатане, всегда была важным центром дорог. Здесь начиналась вторая дорога на запад. Через Казвин с ответвлением в сторону Гирканского моря главный путь шел на запад через Табриз к равнинам вокруг озера Урумия или по Ровандузскому ущелью к Ассирии. Пересекаемая ею местность образовала третью Мидию, еще не получившую название Мидия Атропатена или Адхарбайган; здесь к концу VIII в. до н. э. мы встречаем мидийцев и персов, которых впервые узнали ассирийцы. Вскоре эту территорию стали почитать как родину Зороастра. Чуть восточнее Раги дорога поворачивала на север через Каспийские Ворота и проходила под Демавендом; снова повернув на восток, она пересекала земли других иранских племен, а затем из Бактрии шла на северо-восток в Центральную Азию или на юго-восток в Индию.

В трех Мидиях обитали мидийские племена – бузы, паретацены, струхаты, аризанты и буди, – к которым добавилось неиранское жреческое племя магов. Эти мидийцы были еще полукочевниками. На ассирийских барельефах они изображены с короткими волосами, стянутыми красной повязкой, и с короткими курчавыми бородами; поверх туники на них надета куртка из овечьей шкуры – по-прежнему лучший друг путешественника в морозные зимы на нагорье, к которой также требовались высоко зашнурованные сапоги, чтобы прокладывать дорогу в глубоких снегах. Они были вооружены только длинным копьем, а защищались прямоугольным щитом, сплетенным из ивовых прутьев. С этими полукочевниками при помощи персов Фраорт осмелился напасть на Ассирию, но потерпел поражение и погиб в сражении (653 до н. э.).

Парса снова стала независимой. Два года спустя (651 до н. э.) Кир I вместе с Эламом послал помощь царю Вавилона Шамашшумукину, который поднял восстание против своего брата Ашшурбанипала, царя Ассирии; Парсу ассирийский писец называет древним названием Гути. Тогда ассирийский чиновник в Уруке сообщает о возвращении эламского царя Хумбанигаша в страну Хидалу вместе с народами из страны Парсуаш. Другой чиновник упоминает эламского царя Таммариту и цитирует вражеское письмо: «Люди из страны Парсуаш не наступают; быстро пришлите их. Элам и Ассирия ваши!» Вести из Элама, посланные Ашшурбанипалу его наместником в Вавилонии Бел-ибни, включают сообщение о захвате страны Парсуаш.

Вскоре после завоевания Элама и разрушения его столицы Суз – так уверяет нас Ашшурбанипал – Кир, царь страны Парсуаш, узнал о том, что ассирийский царь завладел Эламом, и послал своего старшего сына Арукку с данью в Ниневию, чтобы выразить свое повиновение и просить его о покровительстве. Существовали и более веские причины для такого посольства.

Киаксар (Увакшатра) стал преемником своего отца Фраорта; соответственно он, носил имя бога войны Веретрагхны. Армия была перестроена на современный лад и поделена на копьеносцев, лучников и кавалерию. По-видимому, именно Киаксар изменил также одежду и вооружение воинов. На скульптурных изображениях в Персеполе постоянно появляются два вида совершенно по-разному экипированных воинов. Мидийца сразу можно отличить по оригинальному иранскому костюму. На его голове – круглая, сдвинутая набок войлочная шапка с клапаном, спускающимся на шею. Плотная кожаная туника с длинными рукавами заканчивается выше колен и удерживается двойным поясом с круглой пряжкой. Поверх туники по торжественным случаям мог быть накинута нарядная плащ. Длинные кожаные штаны и башмаки со шнуровкой и выступающими мысами указывали на то, что их владельцы проводили много времени в седле. Короткая заостренная борода, усы и волосы, собранные в хвост на затылке, были тщательно завиты, а дополнительными украшениями служили серьги и ожерелья. Главным наступательным оружием оставалось копье из кизилового дерева с ребристым бронзовым наконечником и основанием с металлическим ободом. К этому копы многие воины добавляли лук, который хранили в чрезвычайно искусно сделанном налучнике; к нему прилагался колчан со стрелами. Мидийский костюм резко контрастирует с формой, называемой персидской, которая отличается рифленой войлочной шапкой, ниспадающим до щиколоток халатом и невысокими башмаками на шнуровке.

После реорганизации мидийская армия стала представлять чрезвычайную угрозу Ассирии. Ашшурбанипал умер, и даже более слабые его преемники не осмеливались распылять свои силы, оказывая помощь таким своим формальным союзникам, как Парса. Преемники Ариарамна и Кира снова оказались вынужденными стать вассалами Киаксара. И опять ассирийцы были отброшены назад, а Ниневия оказалась осажденной мидийцами, когда пришла весть о том, что через проход между Кавказскими горами и Каспийским морем прорвались скифы. Потерпевший поражение от их вождя Мадия, сына Протофия, Киаксар вынужден был на протяжении двадцати восьми лет платить скифам дань, пока не перебил их пьяных вождей на пиру².

Ниневия была разрушена в 612 г. до н. э. На ее руинах Киаксар, теперь известный в Вавилонии как царь умман-манда (из-за его завоевания скифских полчищ), заключил мир с Набопаласаром (вавилонский царь (625–605 до н. э.), первоначально ассирийский наместник. – *Пер.*). Два года спустя, нанеся поражение Ашшурбаллиту в Харране, Киаксар разбил последние притязания Ассирии на власть и завоевал всю Северную Месопотамию. Так как дорога на юг была закрыта халдейским союзом, который также владел Сузами, Киаксар пошел вдоль гор Загрос, которые изгибаются в западном направлении, к холодному Армянскому нагорью, где другие иранские отряды уничтожили царство Халдея и ввели свой собственный индоевропейский язык. Плодородные долины Армении через Антитаврские горы вели на широкие равнины Каппадокии и к реке Халис, границе с Лидией. Пять лет военных действий закончились сражением вничью во время солнечного затмения (28 мая 585 г. до н. э.) и миром, по которому река Халис осталась границей. Кадусийцы, которые жили по берегам Гирканийского моря, отказались подчиниться, но правитель Парфии признал себя вассалом.

Четыре великие державы – Мидия, Халдея, Лидия и Египет – разделили между собой весь Ближний Восток, но из них только Мидию можно было назвать империей. Что гораздо более важно, Мидия представляла собой первую империю, основанную воинами с севера, которые говорили на иранском языке и мыслили категориями северных людей. Самым печальным является тот факт, что ни в одном месте стоянки древних людей времен Мидийской империи до сих пор не проводились раскопки. Когда их столица Экбатана привлечет к себе должное внимание, мы можем осмелиться надеяться, что курган в Хамадане откроет нам все подробности мидийской культуры и даже позволит мидийцам сказать самим за себя на своем собственном иранском языке.

² Геродот утверждает, что скифы вторглись в Палестину и правили Азией в течение этих двадцати восьми лет, но далее он ограничивает территорию их владычества Верхней Азией, то есть Иранским нагорьем. Некоторые исследователи Библии находят в этом предполагаемом вторжении скифов причину древнейших пророчеств Иеремии, но доказательств этому нет.

Глава 3 КИР ОСНОВАТЕЛЬ

Союз с Вавилоном

Теперь вместо своего отца Киаксара Мидией правил Астьяг. Его имя Арштивайга на иранском языке означало «копьеметатель», но оно совершенно не подходило для сына, который за время своего долгого правления (585–550 до н. э.) демонстрировал только слабость. В персидских владениях преемником Ариарамна стал его сын Арсам (Аршама); по другой родственной линии Кир уступил место не Арукку, а младшему сыну Камбису (Камбуджийя) I, «великому царю, царю Аншана». За него Астьяг выдал свою дочь Мандану, которая родила Камбису второго Кира. В 559 г. до н. э. этот Кир II стал в Аншане вассальным царем и правил в своей столице Парсагарде.

Отделенное от жаркой, с нездоровым климатом прибрежной равнины горами, через которые вели извилистые тропы, высокогорное плато Парсы хорошо подходило для того, чтобы хранить древний боевой дух иранцев. Презирая владыку, столь разнеженного роскошью, Кир задумал мятеж. На его собственное племя пасаргадов можно было положиться, так как его семья – Ахемениды рождала их правителей. С ним были связаны два других персидских племени – марафии и маспии. К ним прибавились и другие персидские племена: земледельцы панфиалеи, деруши и кермании (последние жили в оазисе Керман) и скотоводы-кочевники – дай, марды, дропики и сагарты. Из кочевых племен марды жили в пустыне неподалеку от Персепolia и долго сохраняли репутацию разбойников, но сагарты обитали в оазисе Язд и, хоть и говорили на общем языке, отличались от своих сородичей тем, что у них не было оборонительных металлических доспехов – единственным их оружием были кинжал и лассо.

Теперь, когда все персы объединились под его властью, Кир стал искать союзника в борьбе против Мидии среди других великих держав. Ближайшим и самым логичным выбором была Вавилония. Одно поколение назад Вавилон был союзником Мидии, но лишь ненадолго. Как только их общий враг Ассирия была уничтожена, а остатки империи поделены, этот союз стал формальным. Когда строители Навуходоносора возводили огромную цепь укреплений, которые, казалось, сделали Вавилон неприступным, врагом, которого он боялся, был его сосед – Мидия.

После долгого и успешного правления великий завоеватель Вавилона покинул этот мир 7 октября 562 г. до н. э.³ Менее чем через два года после вступления на престол его сына Амель-Мардука 13 августа 560 г. до н. э. сменил зять Навуходоносора Нергалшарусур; он, в свою очередь, просидел на троне лишь до 22 мая 556 г. до н. э., как значится на табличке его юного сына Лабаша-Мардука.

Два таких коротких периода правления обнадежили националистов, которых всегда возмущало правление чужеземной Халдейской династии. Три дня спустя после даты, указанной на табличке, датированной Лабаша-Мардуком, появилась другая табличка, датированная его соперником Набонидом. Согласно последней, Лабаша-Мардук был легкомысленным юношей, который против воли богов уселся на царский трон. Есть намеки на дворцовый переворот,

³ Паркер Р.А., Дубберстейн В.Х. Хронология Вавилона 626 г. до н. э. – 45 г. н. э. 1942. С. 10. С этого времени даты вавилонского и иудейского календарей переводятся в нашу юлианскую хронологию посредством таблиц этих авторов. По их словам, «70 % всех дат в наших таблицах астрономически верны на сегодняшний день, тогда как оставшиеся 30 % могут опережать современную дату на один день. Так как эти таблицы предназначены исключительно для исторических целей, эта неточность не имеет значения» (с. 23).

которому он был обязан своим новым положением, на поддержку знати и армии, но на самом деле именно по приказу своего бога Мардука Набонид поднялся на трон этой страны. Он также утверждает, что является представителем своих предшественников Навуходоносора и Нергал-шарусура. Во всяком случае, менее чем через два месяца молодой царь умер после ужасных пыток, а Набонид стал единственным правителем остатков Халдейской империи.

Утверждения Набонида о том, что он истинный последователь политики великого завоевателя, были подкреплены сообщением о подходящем видении; по приказу Мардука сам Навуходоносор явился к нему, чтобы истолковать небесное явление как благоприятное, предвещая ему долгое царствование. Другие вавилонские божества послали ему в равной степени благоприятные видения и были соответственным образом вознаграждены. Огромный храм Мардука в Вавилоне Эсагила был богато отреставрирован; празднества в честь Нового года, начавшиеся 31 марта 555 г. до н. э., прошли с должной пышностью, а Набонид исполнял в них роль, предназначенную для царя. Он пожимал руки Мардука и снова был признан законным монархом. Храму Мардука были переданы богатые подарки. Затем Набонид совершил путешествие по всей Вавилонии, особенно по южным городам, где бог Син в городе Уре, Шамаш в Ларсе и Иштар в Уруке получили щедрые царские подарки.

Хотя Набонид и был выдвиженцем антихалдейской группировки, сам он не был урожденным вавилонянином. Его отцом был некий Набубалатсу-икби, «мудрый принц», хотя на самом деле он, по-видимому, был главным жрецом в когда-то известном храме бога луны Сина в месопотамском Харране (древний город в Северном Междуречье. – *Пер.*). С тех пор как последняя искра ассирийского правления в том городе была затоптана в 610 г. до н. э., Харран оставался в руках мидийцев, при которых храм лежал в развалинах. Буквально мечтой всей жизни Набонид было восстановить этот храм, среди руин которого еще жил его отец. Но для этого было необходимо сначала отнять Харран у мидийцев.

Согласно рассказу Набонида, в год его восшествия на престол к нему во сне явились боги Мардук и Син. Мардук приказал ему восстановить храм в Харране; интересно, одобряли ли это жрецы Эсагила. Когда Набонид со страхом возразил, что храмом владеет мидиец, который превосходит его по силе, Мардук ответил: «Мидиец, о котором ты говоришь, он сам, его страна и цари, которые поддерживают его, не превосходят тебя по силе! На третий год боги заставят Кира, царя Аншана, его мелкого вассала, выступить против него со своей небольшой армией. Он победит многочисленных мидийцев, пленит царя Мидии Астьяга и увезет пленника в свою страну».

Победа над мидийцами

В надежде на это Набонид заключил союз с Киром, который вслед за этим открыто восстал против Мидии. Чтобы выполнить свою часть договора, Набонид вскоре набрал армию против «мятежников», которые жили в странах, которыми когда-то владел Навуходоносор. Перед своим уходом из города Набонид передал бразды правления Вавилонией своему старшему сыну Белшарусуру (Белшасару, как его называют в Книге Даниила) и направился в Харран. Оказать какую-либо помощь городу было невозможно, так как мятеж Кира удерживал Астьяга дома, и Харран был быстро возвращен. Город был отстроен заново, и армия заложила фундамент храма к 555 г. до н. э.

На следующий год продолжилось повторное завоевание Сирии. К январю 553 г. до н. э. Набонид был в Хамате. К августу он уже вторгся в горы Аманус. К декабрю он уже убил царя Эдома, в то время как его войска находились в Газе на границе с Египтом. Недовольные еврейские пленники предсказывали падение Вавилона от рук воинственных мидийцев, но, как часто случается, они остались разочарованными. Астьяг выслал против своего мятежного вассала армию под командованием Гарпага, но он забыл, как до этого жестоко убил сына полководца; Гарпаг этого не забыл и вскоре переметнулся к Киру, приведя с собой большую часть своих воинов. Вторая армия под командованием самого Астьяга достигла столицы Парсы, здесь она взбунтовалась, схватила своего царя и передала его в руки Киру. Экбатана была захвачена, а ее сокровища в виде золота, серебра и драгоценностей были увезены в Аншан (550 до н. э.).

Мидия перестала быть независимым государством и стала первой сатрапией под названием Мада. Тем не менее тесные связи между персами и мидийцами не были забыты. Разграбленная Экбатана осталась излюбленной царской резиденцией. Мидийцы (мидийцам оказывались почести) пользовались уважением наравне с персами: они занимали высокие посты, их ставили во главе персидских армий. Чужеземцы постоянно говорили о мидийцах и персах; когда они использовали одно слово, то это было слово «мидиец».

Своим завоеванием Мидийской империи Кир перенял и притязания мидийцев на власть над Ассирией, Месопотамией, Сирией, Арменией и Каппадокией. Во многом эти притязания находились в противоречии с притязаниями Вавилонии. Все причины для объединения в союз исчезли, когда каждая сторона договора достигла своей ближайшей цели. Разрушение Мидийской империи нарушило зыбкий баланс сил, и можно было ожидать войны между Киром и тремя оставшимися державами – Лидией, Вавилонией и Египтом.

Начало упадка Вавилонии

Набониду не явились никакие забытые вавилонские божества, чтобы предупредить о том, что международная ситуация столь опасно изменилась. Настроившись на дальнейшие завоевания на западе, он покинул Эдом (Идумея – древняя страна в Передней Азии к югу от Палестины между Мертвым морем и заливом Акаба. – *Пер.*) и от его пустынной границы направился в глубь Аравийского полуострова. Он нанес удар по центральному оазису Тема, и его царь был убит. По какой-то неясной причине Набонид построил там дворец, подобный вавилонскому, и поселился в нем. В торговых документах последующих лет говорится о караванах верблюдов, которые возили продовольствие для царя в Тему.

Тем временем в Вавилонии Белшасар пользовался Браздами правления, которые его отец доверил ему. В многочисленных письмах и торговых документах царский сын фигурирует как верховная власть. Начиная с седьмого года правления царя и кончая по крайней мере одиннадцатым (549–545 до н. э.) наша хроника каждый год начинается так: «Царь был в Теме. Царский сын, придворные и солдаты были в Аккаде. В первый месяц года царь не приехал в Вавилон. Набу не приехал в Вавилон. Бел не выезжал (из Эсагилы). Новогодних празднеств не было». Лишенные тем самым большого ежегодного праздника, дающего возможность заработать денег, жители Вавилона были, естественно, рассержены. Влиятельные жрецы Мардука были отдалены. Великий бог их города был унижен, тогда как чужой бог луны из Харрана пользовался неумеренными почестями и не ослаблял возмущение.

Завоевание персами Лидии

Получив весть о том, что его мидийский союзник свергнут, лидийский царь Крез поспешно собрал армию и пересек бывшую границу, проходившую по реке Халис, чтобы спасти остатки империи. Кир, который не так давно возродил титул «царь Парсы», «посчитал это вызовом своим собственным притязаниям и в апреле 547 г. до н. э. выступил из разграбленной Экбатаны навстречу агрессору. После того как он пересек перевал, расположенный высоко над городом, его путь пролегал по извилистой дороге, которая неуклонно спускалась вниз до тех пор, пока не достигла главной линии гор Загрос у «ворот в Азию». За этим горным проходом спуск был даже еще более быстрым. Холодный воздух внезапно потеплел, тополя, кипарисы и равнинные деревья уступили место кое-каким пальмам – и Кир оказался на краю огромных месопотамских равнин.

Кир мог бы легко повернуть на юг и выступить против Вавилона, если бы умение строителей Навуходоносора не превратило бы этот город и его окрестности в самую мощную крепость мира. Он мудро поступил, отложив нападение, и пошел на север в Ассирию, которая уже зависела от Мидии и поэтому приготовилась безоговорочно принять его. Арбела, на протяжении столь многих веков остававшаяся в тени Ашшура и Ниневии, вернула себе свой авторитет в качестве новой столицы Атуры (древнеперсидское название Ассирии. – *Пер.*). Кир переправился через Тигр ниже Арбелы, и Ашшур пал; боги Ашшура и Ниневии были спасены только благодаря тому, что им нашли убежище за стенами Вавилона. Дальше на запад по главной дороге располагался Харран; можно было заявить, что он часть Атуры. Отец Набонид а покинул этот мир в зрелом возрасте ста четырех лет тремя годами раньше (550 до н. э.), а его преемник, жрец Сина, не мог противостоять завоевателю. В имеющихся у нас источниках нет упоминаний о его падении, есть только строчка о его походе, а последовавшая за этим ситуация выявляет тот факт, что Харран был захвачен, а вместе с ним и храм, ради восстановления которого Набонид принес в жертву добрую волю Мардука. За эти потери единственным возможным возмездием был союз Вавилона с Лидией.

К маю Кир был уже готов выступить против Креза. Он снова отправился по Великому пути через Северную Сирию, которая тоже была отделена от недавней империи Набонида, в Киликию. По своей собственной инициативе до сих пор независимые киликийцы приняли вассальную зависимость от Персии и в качестве награды получили разрешение сохранить своих местных царей, которые неизменно носили имя Сиеннес. Через Киликийский горный проход армия вошла в Каппадокию, которая стала еще одной сатрапией – Катпатука (персидское название Каппадокии, которое означает «Страна прекрасных лошадей». – *Пер.*). Очевидно, в то же самое время Армения приняла Кира как преемника Астьяга и с той поры стала называться сатрапией Армина.

После неокончательного сражения при Птерии (местность вокруг недавно раскопанного Аладжа-Хюйюка) Крез отступил в Сарды (древняя столица Лидии. – *Пер.*). Он распустил своих набранных по провинциям рекрутов и призвал на помощь своих союзников – фараона Египта Амасиса, царя Вавилона Набонида и спартанцев из Греции, чтобы они собрались с силами к весне. Кир не собирался дать врагу время укрепить свои силы. И хотя приближалась зима, суровая на Анатолийском плоскогорье, он пошел быстрым маршем на запад. На небольшой равнине к востоку от столицы в месте слияния рек Гилл и Герм, которое после этого стало известна как «поле Кира», путь ему преградили лидийские конники, вооруженные копьями. По совету Гарпага (вельможа мидийского царя Астьяга, сохранивший жизнь внуку Астьяга Киру, которого ему было поручено убить. – *Пер.*) Кир выставил перед строем своих воинов навьюченных верблюдов, их ужасный и непривычный запах испугал лошадей и заставил их развернуться и бежать в страхе с поля боя. Спешившиеся лидийцы заново выстроились в боевой

порядок и отважно сражались, но в конце концов они были вынуждены отступить в крепость. К союзникам были отправлены более настоятельные призывы; времени отвечать не было, так как после четырнадцати дней осады неуязвимый, как предполагалось, акрополь Сард был взят, а Крез стал пленником (547 до н. э.).

«В мае он пошел походом на Лидию. Он убил ее царя. Он взял трофеи. Он разместил в ней свой гарнизон. Потом его гарнизон и царь остались в ней». Таков был официальный отчет, данный Киром. На самом деле Крез последовал восточному обычаю и убил себя, чтобы избежать обычных оскорблений, которым подвергается пленный монарх, прежде чем будет казнен. В следующую половину века художник Мисон из Аттики, расписывавший вазы, изображал Креза сидящим на троне на погребальном костре, который собирается поджечь слуга.

Аполлона Дельфийского высоко почитали лидийские цари. Крезу он произнес сомнительное пророчество, которое явно предрекало его смерть. Такое пятно на репутации Аполлона нельзя было оставить, и вскоре были обнародованы «настоящие» отчеты о судьбе Креза. Сначала жрецы объявили, что сам бог унес низложенного монарха к бессмертию в страну сказочных гиперборейцев, очень удобно расположенную далеко на севере. Затем настала очередь знакомой истории о том, как в последний момент, когда Крез уже находился на погребальном костре, Кира охватило раскаяние; он попытался спасти его, хотя огонь уже яростно полыхал. Тогда Аполлон послал неожиданный дождь, который чудесным образом погасил пламя, и Крез был спасен, чтобы стать главным советником царя. Наконец рассказ о гиперборейцах был усовершенствован, и Крез оказался в Барене неподалеку от Экбатаны!

Лидия стала сатрапией под названием Сапарда или Сарды. Сатрапом стал перс Табал. Управление провинциями находилось еще на экспериментальной ступени. Кир впоследствии попробовал назначить сатрапом местного жителя, некоего Пактия, который должен был нести ответственность за захваченные сокровища Креза.

Покорение греков и лидийцев

В этот год, 547 г. до н. э., также произошел первый контакт между персами и греками. Ни тот ни другой народ не понял его судьбоносного характера. Для греков Персия была всего лишь еще одной варварской монархией, торговлю которой их купцы могли использовать и которой при необходимости близкие к ней их города-государства могли проявить формальную лояльность. Им и присниться не могло, что за одно поколение самая богатая, населенная и развитая половина греческого мира окажется под постоянной властью Персии и что следующее поколение будет вынуждено противостоять всей мощи Персидской империи, пытающейся подчинить себе более отсталые греческие государства, которые еще сохраняли свою независимость. Они не могли предвидеть, что на протяжении всего периода, пока эти государства оставались свободными, над их международными отношениями будет господствовать великий царь Ахеменидов и что даже во внутренних делах успех политических сторон будет зависеть от того, проили антиперсидскую позицию они занимают. Однако для персов следующие пол века греки на западной границе будут представлять лишь незначительную пограничную проблему.

Перед окончательным сражением с лидийцами Кир предложил условия договора греческим прибрежным городам-государствам. На протяжении долгого времени они были подданными Лидии, но этот гнет не был тяжел, пока класс торговцев, который теперь контролировал их правительства, богател благодаря возможностям, предоставляемым торговлей как частью богатой лидийской империи. Вполне естественно, что города-государства отказались от великодушного предложения, за исключением Милета (самый могущественный и богатый из ионийских городов в Малой Азии. – *Пер.*), правители которого были достаточно проницательны, чтобы угадать, чья наступит власть. Персы выучили свой первый урок, как надо обращаться с греками: разделяй и властвуй. Одновременно они, вероятно, выучили и второй свой урок.

Аполлон, продажный бог-оракул, в своем главном храме в Дельфах выступил с сомнительным прорицанием Крезу, из-за которого он преисполнился самоуверенности, что повлекло за собой его падение. Вблизи Милета (в Бранхидах) находился храм Аполлона; его тоже можно было подкупить через его жрецов. Неизбежно встает вопрос: сыграли ли *они* какую-то роль в быстрой сдаче Милета? Как бы мы ни ответили на этот вопрос, факт остается: и Аполлон Милетский, и Аполлон Дельфийский на протяжении следующих пятидесяти лет оставались неизменными друзьями персов.

По праву завоевания бывшие подданные Лидии перешли к Киру. Отказ большинства греков подчиниться автоматически сделал их мятежниками. Их положение не улучшило их дерзкое, как, должно быть, считал Кир, требование сохранить за собой тот же привилегированный статус, который был у них при Крезе. Когда это требование было отклонено, так как пришло слишком поздно, укрепление их городов означало войну. Мятежные греки воззвали к Спарте, которую Кир знал лишь как позванного, но так и не появившегося союзника. К своему удивлению, великий царь-победитель принял посольство, которое запретило ему причинять вред хотя бы одному греческому городу под страхом наказания со стороны спартанцев!

После отъезда царя в Экбатану Пактий поднял восстание и на доверенные ему сокровища нанял греческих наемников. Табал находился в осаде в акрополе Сард до тех пор, пока подкрепления под командованием мидийца Мазареса не отбросили мятежников и полностью не разоружили лидийцев. Пактий бежал в Киму, где был задан вопрос оракулу Аполлона в Бранхидах. Ответ можно было ожидать: как последовательный друг персов, Аполлон приказал выдать персам просителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.